

Три маленьких секрета

Автор:

Лиз Карлайл

Три маленьких секрета

Лиз Карлайл

Очарование (АСТ)Семья Маклахлан и друзья #4

Тринадцать лет назад юные Меррик Маклахлан и Мэдлин Джессоп бежали в Гретна-Грин и там обвенчались... Но их настигли родственники новобрачной, которые были против этой свадьбы, и вернули Мэдлин домой. Брак был объявлен недействительным. Невесту выдали за другого, а жених уехал за дальние моря...

Но спустя годы Мэдлин овдовела, а Меррик, заработавший себе огромное состояние в дальних странах, внезапно вернулся. Единственной целью его возвращения было вновь воссоединиться с женщиной, которую он так и не смог разлюбить.

Однако чувствует ли она то же самое?

И готова ли начать все сначала?..

Лиз Карлайл

Три маленьких секрета

Liz Carlyle

THREE LITTLE SECRETS

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Перевод с английского Н. Н. Аниськовой

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Susan Woodhouse, 2006

© Перевод. Н. Н. Аниськова, наследник, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Пролог

Дьявол шутить не любит

Его нашли на конюшенном дворе. Еще не прокричал первый петух, в неподвижном воздухе стоял густой запах сена и лошадей, трава не просохла

после вчерашнего дождя. Две светло-серые кареты с замазанными гербами и опущенными занавесками медленно ползли вниз по холму, как шарики ядовитой ртути.

Он решил сэкономить шиллинг и сам запрячь лошадей. Он рассуждал как глупец. Его бдительность притупилась, а разум еще спал. Здравый смысл дурманили мысли о юной жене. Она не давала ему заснуть, пока не осталось никаких тайн, просьб, высказанных застав дыхание, смеха, заглушенного складками старого одеяла.

Потом она уснула, положив кулачок на подушку и закинув стройную ногу на его сторону постели жестом восхитительно новым и успокаивающе знакомым. Он не спал. Наверное, он уже тогда знал, что эти мгновения драгоценны.

Поднявшись, он неотрывно смотрел на жену. Изящные розовые раковины ушей. Нежный изгиб красивой шеи. Маленькая грудь столь совершенна, что он удивлялся, как можно простым смертным любоваться ею. Потом он неохотно натянул брюки и пошел заниматься делом, чтобы сэкономить этот проклятый шиллинг. Видит бог, даже такую мелочь они не могли себе позволить потратить.

В конюшне было еще темно. Он зажег лампу и отыскал своих лошадей. Накормив, он тщательно вычистил их и принес воды из стоявшей во дворе бочки. В рутинных делах человек, только нащупывающий свой путь в жизни, находит успокоение. Покончив с этим, он снял с железного крюка сбрую.

Чья-то тяжелая и холодная, как смерть, рука тронула его за плечо.

Смерть, смерть...

Говорят, когда приходит смерть, перед глазами у человека проходит вся жизнь. Перед его внутренним взором пронесся день его свадьбы. Так за окнами быстрого фаэтона мелькает сквозь деревья уютный сказочный домик.

Бросив сбрую, он повернулся. Вот оно что. Эти серые с черным ливреи ему знакомы. Он увидел нескольких мужчин значительно крупнее того, кто стоял рядом.

Чья-то рука потянула его из тени.

– С тобой хотят поговорить. – Голос под стать руке, холоден, как смерть.

Не похоже, что мужчины поджидали его ради пустой болтовни. Он сражался как лев. Но их было четверо против одного. Хотя он был сильным, привычным к тяжелому физическому труду человеком, им не потребовалось много времени, чтобы сорвать с него рубашку и избить до полусмерти. Он сумел вырваться и одного чуть не утопил в бочке с водой. Схватив другого, ударил его головой о дверцу кареты. Сломал нос третьему, с удовлетворением наблюдая, как пятна крови расплываются на красивой ливрее.

Он, конечно, знал, что не одержит победы. И понимал, что они намерены убить его. Они повалили его, как свора собак оленя. Он валялся в грязи, выплевывая кровь и навоз. Подняв его, они начали все сначала.

Он не помнил, как сбросил их. Не помнил, как в его руках оказались вилы. Он помнил только, как стальные зубья вошли в плоть другого человека. Как пронзительно закричала девушка, спрятавшаяся в тени. Она кричала... кричала...

Полированная дверца кареты открылась, показалась нога в дорогом сапоге.

В тишине прозвучал голос. Почти миролюбивый. Но черный хлыст, намотанный на руку Джессопа, противоречил его тону.

Конечно, он бился как герой. Но приспешники Джессопа быстро скрутили его и крепко держали, пока новоиспеченный тесть четко и доходчиво объяснял, что его дочь переменяла решение. Подкрепляя каждое слово ударом хлыста.

Только когда он рухнул, Джессоп соизволил подойти ближе.

– Надеюсь, теперь ты убедился, что моя дочь передумала насчет этой глупости в Гретна-Грин.

Он не убедился. Его никогда не переубедить. С трудом приподняв голову, он повернулся к девушке, которая пряталась в тени.

– Он лжет. – Слова душили его. – Скажи... что Джессоп... лжет.

Горничная его жены, шумно вздохнув, наконец вышла из полумрака.

– Увы, нет, месье, – ответила она, сжав перед грудью руки. – Миледи... она передумала. Она сказала, что она... *tres desole*... *oui* – очень сожалеет. Она... она тоскует по дому, месье. И *tres jeune* – очень молода, *oui*. Она хочет вернуться с отцом в Шеффилд.

Вдруг с тошнотворной быстротой все всплыло у него в памяти. Ее бесконечные вопросы. Тревога. Мелочные заботы о деньгах, слугах, презрении общества...

Неужели? Господи, неужели она передумала?

Джессоп снова накрутил хлыст на руку. С самодовольной улыбкой он забрался в свою карету. Лакеи ушли, бросив в грязи жертву своей кровавой работы. Горничная, спрятавшись в тень, снова заплакала.

Нет. Он не верит. Он никогда не поверит в это.

Негодяй. Джессоп так не уйдет. Почти теряя сознание, он как-то ухитрился подняться на ноги и вложил всю ярость в удар по карете. Вместо того чтобы замедлить ход, кучер хлестнул лошадей и без малейших колебаний переехал рухнувшего под колеса несчастного.

Он почувствовал адскую боль. Безвольное тело как мешок перекатывалось по булыжникам. Потом наступила страшная агония – хрустнула кость, разрывая плоть. Ему показалось, что череп раскололся о столб ворот. Потом он провалился в черноту. В блаженное забвение смерти... или что-то близкое к ней.

Глава 1

Деньги, как навоз, когда лежат кучей, не приносят пользы

Шотландцы говорят, что история от пересказа ничего не теряет. Историю Меррика Маклахлана пересказывали тысячу раз. О нем говорили в гостиницах и клубах, судачила на кухне прислуга. От сезона к сезону он становился все богаче и мрачнее. В расцвете жизни его считали настоящим Шейлоком, безжалостно взыскивающим то, что ему причитается.

Те, кто связывался с Черным Маклахланом, вели дело честно и с трепетом. Некоторые при этом богатели, другие преуспевали меньше и оказывались несостоятельными должниками. Их истории тоже рассказывали, но уже в суде. Мисс Китти Коутс едва ли имела к этому отношение и даже не могла правильно написать слово «несостоятельный». Ее дела с Маклахланом были совершенно иного рода. И если и касалось финансов, то только в том, что Китти приходилось отдавать сводне значительную сумму.

Сейчас, однако, Китти было о чем задуматься, кроме неудач в математике и правописании. Клонившееся к закату солнце светило в окно импровизированной спальни Маклахлана, бросая узкие лезвия лучей на его обнаженные плечи и шрамы. Страшные белые рубцы крест-накрест пересекали твердые бицепсы и спину. Китти долго и с трудом привыкала к ним. Положив руки на мягкие завитки темных волос на его груди, она оседлала его.

Часы в соседнем кабинете пробили пять. Тремя-четырьмя мощными толчками Маклахлан закончил свое дело, оттолкнул Китти и потер мускулистой рукой глаза. Намек был понятен.

– Мы ведь еще не расстаемся, мистер Маклахлан? – Китти снова повернулась на живот и легко провела пальцем по кривому, как турецкая сабля, шраму, пересекавшему щеку мужчины. – Я могу задержаться, два фунта за целую ночь. – Теплый палец снова заскользил по его щеке. – И мы прекрасно проведем время.

Отшвырнув простыни, Маклахлан снова оттолкнул ее и спрыгнул с узкой кровати.

– Одевайся, Китти. – Его голос был бесстрастным. – Уходи сегодня по черной лестнице. Персонал еще работает.

Она помрачнела, но ничего не сказала. Маклахлан стоял стиснув зубы из-за боли в лодыжке. Он не двигался, пока не убедился, что может идти не хромя, затем прошел в гардеробную и тщательно вымылся.

Когда он вернулся за своей аккуратно сложенной одеждой, Китти уже натянула мягое красное платье. Ее брови напряженно сошлись на переносице, лицо было мрачным.

– Мистер Маклахлан, сколько я сюда прихожу?

Он подавил вздох раздражения.

– Я не отмечал, Китти.

– А я точно знаю, – капризно сказала она, – четыре месяца и две недели.

– Я не знал, что ты сентиментальна. – Маклахлан был занят тем, что натягивал нижнее белье.

– Каждый понедельник и четверг с первого февраля, – продолжала Китти. – И за все это время вы не сказали мне и десяти слов.

– Я не думал, что ты добираешься сюда из Сохо ради ученой беседы, – ответил он, разворачивая брюки. – Я полагал, ты приходишь за деньгами.

– Ну-ну, продолжайте! – Она схватила валявшиеся на полу чулки. – Воспользуйтесь умными словами, чтобы подразнить меня и выставить вон. Ложись, Китти! Наклонись, Китти! Уходи, Китти! У меня назначена встреча, Китти! Вы отвратительный, злой человек, Маклахлан.

– Как я понимаю, я упал в твоих глазах, – заметил Маклахлан. – Если хочешь, скажи миссис Фарнем, чтобы она в четверг прислала кого-нибудь другого. – «Не такую разговорчивую», – про себя добавил он, заправляя рубашку в брюки.

– Сказать-то я могу, но у Фарни я единственная рыжая, – предупредила Китти, резким рывком натягивая чулок. – Позвольте заметить, меня часто приглашают именно из-за цвета волос.

– Мне любой цвет подойдет, – ответил он, разглядывая округлый зад Китти, когда она нагнулась за вторым чулком. – Меня это совершенно не интересует.

У Китти будто что-то хрустнуло внутри. Резко выпрямившись, она швырнула чулок ему в лицо.

– Тогда вам и дырка от сучка в трухлявом заборе подойдет, неблагодарный шотландец!

Маклахлан пристально посмотрел на нее.

– Да, это выход, причем более дешевый. – Маклахлан тоже начал подумывать об этом. Он деловой человек, ему сантименты не нужны. А заборы не разговаривают, не жалуются и не хнычут.

Китти решительно сунула босую ногу в туфлю.

– Хватит с меня вашего ворчания и механических движений! Вы никогда не спросите: «Как вы поживаете?» Может быть, я и шлюха с Хеймаркета, но будь я проклята, если...

Десятифунтовая бумажка, которую Маклахлан сунул Китти в сжатый кулак, заставила ее замолчать. Она долго смотрела на банкноту, глотая слезы.

Маклахлан слегка пожал ей руку.

– Ты держалась восхитительно, Китти, – пробормотал он. – Дело не в том, что я неблагодарный. Просто я не стремлюсь завязывать дружбу. Пусть миссис Фарнем пришлет в четверг кого-нибудь другого. Нам нужны перемены, и тебе, и мне.

Презрительно фыркнув, Китти сунула деньги в вырез платья. Миссис Фарнем от этого ничего не получит. Пройдясь по мужчине взглядом от плеч до паха, Китти театрально вздохнула.

– Боюсь, болеть будет не мое сердце, Маклахлан, – заметила Китти. – Но нечего вас жалеть. Несмотря на ваши таланты, вы этого не заслуживаете.

Маклахлан завязывал широкий галстук.

– Ты, без сомнения, права.

Китти возмущенно фыркнула.

– Отлично. В четверг я пришлю Бесс Бромли, пусть она вами займется. Она жестокая, эта девка с глазами кошки. Вы поладите, как огонь с маслом. – С этими словами Китти рывком открыла дверь, быстро пересекла смежный со спальней кабинет и исчезла в коридоре.

Маклахлан долго стоял, глядя в темноту кабинета. Он понимал, что другой человек испытывал бы сожаление или даже чувство вины. Но только не он. Китти служила ему достаточно хорошо, напомнил себе Маклахлан, заканчивая одеваться. Она была чистенькой, вежливой и пунктуальной. Ее широкий круглый зад определенно навсегда останется в его памяти.

Но это все, что он предпочитал помнить. Только первого апреля, спустя два месяца после ее первого визита, он потрудился узнать ее имя. До этого он просто приказывал госте раздеваться и лечь. Вернувшись за свой рабочий стол, Маклахлан вспомнил, что в особенно загруженные дни он даже не трудился раздеваться. Он просто расстегивал брюки, нагибал Китти над диваном в своем кабинете и возвращался к делам, удовлетворив вожделение.

Нет, его это не волновало. Ни тогда, ни сейчас. Одного он жаждал больше всего на свете, больше плотских утех – безраздельного могущества. И жалобы Китти, как бы искренни они ни были, никогда не изменят двух главных и непреложных законов капитализма. Время – деньги. Деньги – это власть. Сейчас у него очень мало времени, а власти ему всегда не хватало.

Развернув чертежи, Маклахлан нетерпеливо дернул шнурок звонка, вызывая клерка. Пора поговорить с агентами с Треднидл-стрит. Надо работать. За неделю Маклахлан рассчитывал выбить три участка под строительство, продать шесть домов, обанкротить не выполняющего обязательства торговца кирпичом, сровнять с землей соседнюю деревню. И все для того, чтобы построить целую

улицу элегантных домов в георгианском стиле и заставить расточительных англичан расстаться со своими фунтами. Вот это ему действительно доставит удовольствие.

Дом на Мортимер-стрит не походил на жилище богатого и влиятельного лорда, хотя улица находилась неподалеку от Мейфэр. Вопреки ожиданиям это был не широкий, с двойным фронтоном особняк, а обычный городской дом. Простой кирпичный фасад, внизу два окна и крыльцо, над ними четыре ничем ни примечательных этажа. Можно было предположить, что здесь поселился банкир, адвокат или процветающий торговец углем.

Но тем не менее дом принадлежал влиятельному графу Трейхерну, солидному, рассудительному человеку, если такие встречаются среди аристократов. Говорили, лорд Трейхерн терпеть не мог глупости и больше всего ненавидел хитрые уловки.

Но леди Бессетт, которая, дрожа, замерла у его двери, пришла повидать не графа. Она торопилась увидаться с гувернанткой – или, точнее, украсть гувернантку, если это окажется возможным.

Деньги не имеют значения. И ее нервы тоже. Графиня была в отчаянии. Нащупав в сумочке маленький сверток, она проглотила ком в горле и поднялась по ступеням позвонить в колокольчик. Она молилась про себя, чтобы гувернантка еще работала здесь. Только когда дверь отворилась, леди Бессетт пришло в голову, что не слишком прилично интересоваться прислугой с парадного входа.

Увы, было уже поздно. Высокий широкоплечий лакей смотрел ей прямо в лицо. Леди Бессетт нетвердой рукой подала ему свою карточку.

– Графиня Бессетт к мадемуазель де Северс. Если это возможно.

Лакей удивленно приподнял брови, но проводил графиню вверх и предложил присесть в маленькой, залитой солнцем гостиной.

Комната была обставлена прекрасным французским антиквариатом. Стены обиты тисненой тканью цвета сливок, желтые чесучовые занавески спускались

на роскошный обюссоновский ковер. Несмотря на встревоженное состояние, леди Бессетт нашла комнату прелестной и отметила про себя сочетание цветов. Завтра, если она переживет эту встречу, ей предстоит оформить покупку дома. Это будет ее первый дом в жизни – не мужа, отца или пасынка, а ее собственный. Ее. И она тоже устроит там желтую гостиную. Ведь это ее выбор, не так ли? Завтра же она поговорит с подрядчиком.

Через несколько минут в комнату вошла высокая темноволосая женщина. Она выглядела настоящей француженкой, но была одета более элегантно, чем можно было ожидать от гувернантки. Ее поведение не было услужливым, а на лице застыло выражение добродушного любопытства. Не успев задуматься над этим, леди Бессетт вскочила с софы и бросилась через комнату.

– Вы мадемуазель де Северс? – прошептала она, схватив женщину за руку.

Губы женщины дрогнули.

– Да, но...

– Я хочу нанять вас, – перебила леди Бессетт. – Сейчас же. Назовите свою цену.

Мадемуазель де Северс отпрянула.

– Боюсь, вы ошиблись...

– Я в отчаянном положении. – Леди Бессетт стиснула руку женщины. – У меня есть рекомендательное письмо от графини фон Ходенберг из Пассау. Она мне все рассказала. О вашей работе. Об учебе в Вене. Мой сын... Он очень болен. Я должна нанять вас, мадемуазель де Северс, должна. Я не знаю, куда еще обратиться.

Женщина, ободряя, сжала ее руку.

– Мне очень жаль, – сказала она со слабым французским акцентом. – Графиню фон Ходенберг неправильно информировали. Я не общалась с ней больше десяти лет.

– Именно так она и сказала, – подтвердила леди Бессетт.

– Как вы с ней познакомились?

Леди Бессетт опустила взгляд к полу.

– В замужестве я долго жила за границей, – пояснила она. – Наших мужей объединял интерес к древней истории. Кажется, впервые мы встретились в Афинах.

– Как приятно, что она меня помнит.

Леди Бессетт слабо улыбнулась.

– Она знала только, что вы уехали в Лондон к Ратледжам, у которых ужасно болела маленькая девочка. Я с большим трудом отыскала эту семью. Лондон такой большой город. Я была в нем только раз в жизни.

Мисс де Северс указала на пару кресел у камина. Стояла поздняя весна, огонь в нем не зажигали.

– Пожалуйста, садитесь, леди Бессетт, – пригласила она. – Я попытаюсь объяснить вам свою ситуацию.

В сердце леди Бессетт угасала надежда.

– Вы... вы не сможете помочь нам?

– Я пока не могу сказать, – ответила гувернантка. – Но определенно попытаюсь. Расскажите о ребенке. Сколько ему лет и какова причина болезни?

Леди Бессетт подавила рыдание.

– Джеффри двенадцать, – ответила она. – Он... на него порой находит, мадемуазель: он говорит бессмыслицу и не может объяснить почему. Временами он страдает от меланхолии. Он очень нервный ребенок.

Мисс де Северс медленно покачала головой.

– Что представляют собой его видения? Грезы? Галлюцинации? Он слышит голоса?

– Я думаю, это грезы, – прошептала графиня. – Грезы наяву, а не во сне, если такое бывает. Но я не совсем уверена. Понимаете, Джеффри больше не хочет обсуждать это со мной. Он стал очень скрытным.

– Мальчик все еще страдает от приступов? – спросила гувернантка. – Знаете, с возрастом у детей это часто проходит.

– Стало только хуже, – ответила леди Бессетт. – Он такой странный. Я консультировалась с самыми известными врачами и френологами с Харли-стрит. Они сказали... О господи! Они сказали, что у Джеффри скорее всего душевная болезнь... что, возможно, он потерял связь с реальностью и... и его надо изолировать.

– Какой вздор! – возмутилась гувернантка. – Я бы изолировала кое-кого из преуспевающих докторов с Харли-стрит. А уж что бы я сделала с френологами, и говорить не хочу.

– Вы... вы им не верите?

– Крайне редко, – живо сказала женщина. – А в этом случае совершенно не верю. Двенадцатилетний ребенок еще недостаточно развит умственно и физически для такого страшного приговора. И если у него на голове странные шишки, то скорее всего это от игры в каштаны. Вероятно, ваш ребенок просто слишком чувствителен и артистичен.

Леди Бессетт покачала головой.

– Нет, – уверенно сказала она. – Хотя он прекрасно рисует. У него замечательные способности к математике и к наукам. Вот почему эти... эти приступы кажутся такими странными.

– Значит, он не капризный ребенок?

– Нисколько.

– В остальном он совершенно здоров? Он учится? Он сообразительный мальчик?

– Учитель Джеффа считает его талантливым.

– У него была какая-нибудь детская травма?

Какое-то мгновение леди Бессетт колебалась.

– Нет... нет, травмы не было.

Гувернантка снова подняла брови и собиралась, видимо, задать очередной вопрос. Но в этот момент в комнату вбежала прелестная светловолосая девушка в нарядном платье.

– Мама, оно готово! – воскликнула она, вытягивая шею, чтобы разглядеть платье со спины. – Подол ровно подшит? Кажется, спина выглядит слишком...

– Милая, у нас гости, – упрекнула гувернантка, которая, как теперь стало ясно, была вовсе не гувернанткой. – Познакомься с леди Бессетт. Леди Бессетт, это моя падчерица, леди Ариан Ратледж.

Девочка густо покраснела.

– Извините, мэм! – Присев в реверансе, она тут же вышла.

– Позвольте, – пробормотала леди Бессетт, чувствуя, как запылали ее щеки. – Кто... я хочу сказать... это...

– Это та самая дочь лорда Трейхерна, которая была ужасно больна, – ответила хозяйка. – Да, именно это я пыталась объяснить вам, леди Бессетт. Мы поженились, он и я. А Ариан теперь, как видите, совершенно нормальная девочка. У нас еще трое детей, поэтому у меня прибавилось работы, и некогда давать советы друзьям и родственникам.

– Ох! – У леди Бессетт опустились руки. – О господи! Вы теперь леди Трейхерн! А я... я не знаю, что мне делать.

Хозяйка дома, наклонившись, положила ладонь на руку леди Бессетт.

– Вы еще так молоды, дорогая. Думаю, моложе меня.

– Мне тридцать, – прошептала графиня, – но я чувствую себя так, будто вдвое старше. – По ее щекам покатались слезы.

Леди Трейхерн подала ей свеженакрахмаленный носовой платок.

– Тридцать – это немного, – продолжала она. – Не переживайте так из-за сына. Поверьте моему опыту, с возрастом у детей это проходит.

– Вы думаете? – всхлипнула леди Бессетт. – Я так хочу в это верить. Джеффри – моя жизнь. Нас только двое, больше у нас с ним никого нет.

– Понимаю, – сказала леди Трейхерн. – И надолго вы в Лондоне, дорогая?

Леди Бессетт подняла на нее горестный взгляд.

– Навсегда, – ответила она. – Я вдова, мой пасынок недавно женился. Завтра я заключаю договор на покупку дома поблизости.

– Правда? – улыбнулась леди Трейхерн. – Как чудесно.

– Наш сельский врач думает, что для Джеффа лучше быть поближе к Лондону. Он сказал, что не знает, что делать с мальчиком.

Леди Трейхерн, успокаивая, похлопала ее по руке.

– Вы должны как следует устроиться, милая, – посоветовала она. – А когда вы с этим управитесь, то обязательно приводите юного Джеффа на чай. И мы познакомимся.

– Вы... вы нам поможете?

– Я попытаюсь, – сказала леди Трейхерн. – Симптомы его состояния действительно загадочные, но я совершенно не убеждена, что это болезнь.

– Правда? Слава богу!

– Даже если это и так, дорогая, в Лондоне есть несколько врачей, которые проявили внимание к работам ученых в Вене и Париже. В области душевных болезней – это называют психологией, – сделаны значительные открытия. Не все врачи самодовольные невежды, леди Бессетт.

– Душевные болезни! – передернула плечами леди Бессетт. – Мне даже слышать о них невыносимо!

– И забудьте об этом, – сказала леди Трейхерн. – А теперь выпьем кофе, и вы расскажете мне о своем новом доме. Где он находится?

– Рядом с Челси, – тихо сказала леди Бессетт. – В деревне Уолем-Грин. Пока дом отделывают, я сняла там коттедж, но всего на несколько недель.

– Значит, до города вам совсем недалеко, – сказала леди Трейхерн и, поднявшись, позвонила в колокольчик. – Признаюсь, в Лондоне у меня не много знакомых. И все же позвольте мне представить вас в обществе.

Леди Бессетт почувствовала, как ее лицо снова вспыхнуло.

– Я очень мало бывала в свете, – призналась она. – И почти никого не знаю.

– Ну, моя дорогая, теперь вы знаете меня, – сказала хозяйка дома. – Так как насчет нового дома? Конечно, в нем есть все современные удобства? И вам предстоит купить массу мебели? Да это просто замечательно!

Лучше быть повешенным, чем неудачно жениться

Звонари собора Святого Георгия на Ганновер-сквер уже прогуливались по галерее, когда в утреннем тумане появилась карета Маклахлана. Он коротко приказал кучеру ждать его у «Трех королей» и шагнул на тротуар. Позже тут будет оживленное движение, а Меррик не имел желания застрять здесь.

Один из звонарей с любопытством украдкой взглянул на него. Другой растирал мозолистую руку, словно обдумывая предстоящее дело, пока третий громко жаловался на весеннюю сырость. Кто-то невидимый – мелькнули только рука и край церковного облачения – изнутри открыл дверь, и звонари исчезли в церкви. Было слышно, как они друг за другом поднимаются на колокольню.

Маклахлан в душе поблагодарил их за сдержанность. Он не видел смысла в праздных разговорах с незнакомыми людьми. И не имел желания входить в церковь, пока в этом нет необходимости. Он неумоимо шагал назад и вперед по улице, любясь классическими колоннами и витражами собора Святого Георгия. Его восхищение, лишенное всяких эмоций, было скорее беспристрастной оценкой профессионала. Во всяком случае, он никогда не пришел бы сюда по доброй воле да еще на венчание.

Но сегодня день свадьбы его старшего брата. У Маклахлана не было выбора. Он повернулся и снова зашагал по тротуару. Черт возьми, Фиппс слишком туго завязал ему галстук. Маклахлан провел пальцем вдоль воротника, ослабляя узел.

Движение по Сент-Джордж-стрит стало интенсивнее. Черт! Он не желал шагать тут, как зверь в клетке, но не мог заставить себя войти внутрь. Резко повернувшись, Маклахлан пошел по тенистой галерее, примыкающей к старому зданию. Он не в первый раз прятался в тени церкви Святого Георгия. Воздух здесь был пропитан запахом замшелых камней и сырой земли. Леденящим душу запахом склепов и подземелья. Здесь пахло могилой, в которой погребены надежды и мечтания.

Не надо было сюда приходить. Он поднял глаза к солнцу, хаотичными пятнами пробивавшемуся сквозь зеленую листву, и зажмурился. Шум и грохот уличного движения постепенно стихли, потом совсем исчезли.

– Поцелуй меня, Мэдди. – Его голос хрипло прозвучал во мраке.

– Меррик! – Она застенчиво взглянула на него и положила руку ему на плечо. – Тетя станет браниться, если мы замешкаемся.

Он приложил палец к ее губам.

– Шшш, Мэдди. – Он обернулся. – Никто даже не заметил, что мы отстали.

Он наклонился и легко провел губами по ее рту. От первого прикосновения поцелуй вспыхнул как пламя. Он притянул ее ближе. Его язык проник в ее рот, руки переплелись в страстном объятии.

У него голова кружилась от ее запаха. Он чувствовал под пальцами шелк ее платья, выпуклость упругих ягодиц. Дыхание Мэдлин сбилось, превратившись в сладкие судорожные вздохи. У нее хватило здравого смысла оттолкнуть его.

– Меррик, мы в церкви!

Он улыбнулся.

– Да, девочка моя, именно так, – согласился он. – Но в моих чувствах к тебе нет ничего грешного. Перед Богом они искренни и чисты.

Опустив ресницы, она отвела взгляд, ее лицо порозовело. Он хотел снова поцеловать ее. Ему хотелось коснуться ее, коснуться так, как это делает мужчина, когда женщина жаждет отдаться ему. Но он не посмел рискнуть и сделать это здесь. Вместо этого он прижался к ней, виском к виску, и почувствовал, как расслабились ее плечи.

– Мэдди, – прошептал он ей на ухо, притягивая к себе обеими руками.

– Что?

– Это тут венчаются высокородные жители Мейфэра вроде тебя?

– Я не из Мейфэра, – в ответ прошептала она. – Да, именно тут.

– Тогда я обвенчаюсь с тобой здесь, Мэдди, – поклялся он. Его голос дрожал от эмоций. – В конце сезона, на глазах у всей этой светской публики. Клянусь в этом перед Богом.

– А нам... нам разрешат, Меррик?

Он забыл, как она молода.

– Они не смогут нас остановить, – отрезал он. – Никто, Мэдди, не остановит настоящую любовь.

Сзади слышались тяжелые шаги тетушки.

– Вот ты где! – Шаги стихли.

Меррик обернулся к узкой дорожке, моргая от яркого утреннего света.

– Все уже полчаса ждут! – почти прорычал сэр Аласдэр Маклахлан. – Ты наконец войдешь внутрь или нет?

– Да, немного погодя.

– Нет, сейчас, – отрезал жених. – Ты согласился на это, Меррик. Тебе нужно только постоять рядом со мной. Ничего страшного там не будет, это не зуб удалять.

Медленно шагая вдоль церковной стены, Меррик собирался с мыслями. Он надеялся, что не выдал своего смятения.

– Разумеется, ты прав, – сказал он, выходя из тени на солнце. – Прошу извинить. Я задумался.

– Клянусь, твои мысли были там, где всегда, – сердито ответил брат, – в твоих проклятых конторских книгах.

В это время мимо церковной колоннады проезжало открытое ландо. Резко свернув влево, экипаж остановился у обочины. Из него выбрался дородный джентльмен и, сжав руку в кулак, зашагал к братьям.

– Черт побери, кто это? – едва слышно спросил Аласдэр.

– Доброе утро, Чатли, – холодно приподнял шляпу Меррик.

Казалось, мужчину вот-вот удар хватит.

– Для вас-то оно доброе! – воинственно ответил он. – Само провидение привело меня сюда.

– Я бы этого не сказал, – ответил Меррик. – Позвольте представить, мой брат, сэр Алас...

– Не трудитесь, – огрызнулся пухлый джентльмен. – Вчера, Маклахлан, меня посетил один из ваших бандитов с Треднидл-стрит.

– Вы хотите сказать, один из моих юристов из Сити? – приподнял бровь Меррик.

– Называйте их как хотите, – отрезал мужчина. – Я все правильно понял, Маклахлан? Вы требуете возврата долга? И это после того, как мы обо всем договорились?

Аласдэр сердито кашлянул, но Меррик продолжил разговор:

– Вы согласились выплачивать ссуду раз в квартал, Чатли.

– Боже милостивый! Так ведь на дворе только май!

– Да, но ссуда была выдана 2 февраля, – возразил Меррик. – Платеж следовало произвести через девяносто дней.

– Джентльмены, это так необходимо обсуждать сейчас? – прошипел Аласдэр. – Побойтесь бога, мы стоим перед церковью.

Мужчины даже не взглянули на него.

– И ребенку известно, что квартальные платежи производятся 25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря! – протестовал Чатли. – Значит, срок уплаты 24 июня.

Меррик поднял брови.

– Вот как? – пробормотал он. – Исходя из этого, я должен был получить первый платеж на Благовещение. Я начинаю думать, Чатли, что вы не читали договор. Смею вас заверить, уплатить надо было несколько недель назад.

Чатли споткнулся.

– Но... но мне нечем платить, Маклахлан! – тихо сказал он. – Вы хотите подмять под себя мой кирпичный завод, черт вас заберите! Вы этого хотите? Этого?

– Тогда я по крайней мере получу за свои хлопоты кирпичи, – парировал Меррик. – Если для того, чтобы закончить работу, мне понадобится этот чертов завод, так и будет.

Аласдэр легонько тронул его за плечо:

– В самом деле, Меррик, это уж чересчур буржуазно.

– Да, это бизнес, – бросил он брату и снова повернулся к дородному джентльмену. – Чатли, вы задержали поставку на две недели. У меня простаивают три объекта. Я не могу строить без кирпича и не могу раздавать ссуды по доброте душевной...

– Да у вас ее отродясь не было, – перебил его мужчина.

– Вот именно, и вы хорошо делаете, что помните это, – заметил Меррик. – Ссуда выдана на усовершенствование производства, чтобы вы поставляли мне

стройматериалы в срок. Сейчас мне нужен кирпич, Чатли, а у вас склад забит им. Я знаю, я сам вчера это видел.

Чатли побагровел.

– Но эта партия обещана Фортни!

– Уговорите его подождать, черт побери! – сказал Меррик. – Фортни давал вам ссуду в десять тысяч фунтов? Думаю, нет. До свидания, Чатли. Я жду дюжину возов кирпича в Уолем-Грин до заката, а остальное – до конца недели.

Чатли трясло от ярости, казалось, он вот-вот замертво рухнет на тротуар. Ни слова не говоря, он повернулся и сел в поджидавшее его ландо.

– Ну спасибо тебе, Меррик, – холодно процедил сэр Аласдэр. – Спасибо, что сделал для меня этот день незабываемым.

Меррик недоуменно посмотрел на брата и вспомнил, где находится. Собравшиеся гости столпились в противоположном конце галереи, отводя взгляды и тихо переговариваясь. Меррик сообразил, что они разобрали если не отдельные слова, то суть спора.

Он почувствовал, что его лицо заливают жар. Брат жениха на пороге церкви втоптывает в грязь недалекого торговца! Другого от него и не ждали, такова уж его репутация. Обычно Меррику было на это наплевать. Но сегодня... Его брат в тридцать семь лет наконец нашел свое счастье и вот-вот пойдет к алтарю. Аласдэр встретил женщину своей мечты. В отличие от Меррика мечтам брата суждено сбыться. Но Меррик не намерен спотыкаться о дряхлые остатки своих несбывшихся надежд. Тем более время и место для этого сейчас совершенно не подходящие.

Меррик нашел в себе силы обнять брата за плечи. Прежде он частенько завидовал беспечному, жизнерадостному нраву Аласдэра, его солнечной, золотистой красоте, но никогда не желал ему зла.

– Прости, Аласдэр, – тихо сказал он. – Это действительно особенный день. Пойдем, закончим это дело и сделаем Эсме членом нашей семьи.

Меррику предстояло отвести брата к алтарю. Из всех обязанностей, которых страшится человек, эта не самая тягостная. Церемония скоро подошла к концу, и обязанности Меррика закончились. Толпа высыпала из церкви под ликующий перезвон колоколов.

С шумом, эхом отдающимся от кирпичных стен, гости отправились к Гросвенор-сквер, где в доме леди Таттон, одной из самых чинных и добропорядочных светских матрон, был устроен праздничный обед.

В углу церкви Эсме догнала только что обретенного деверя. Она просто светилась от счастья.

– Можно опереться на твою руку, Меррик? – спросила она. – Ведь теперь ты мой брат.

Разумеется, Меррик согласился. Аласдэр принимал поздравления от своих беспутных друзей, пожимая им руки с тем ошеломленным выражением лица, которое свойственно новоиспеченным мужьям.

– Надеюсь, ты немного задержишься у тети? – спросила Эсме.

Меррик колебался.

– Я не думал оставаться, – признался он. – Ты простишь меня?

– Нет, – решительно ответила Эсме. – Где твоя карета? Почему ты должен идти?

– У «Трех королей», – ответил Меррик. – У меня днем назначена встреча архитекторов. Персонал будет ждать меня.

– До этого еще далеко, – сказала Эсме. – А если ты собрался идти к «Трем королям», то можешь пройти чуть дальше, Меррик, и выпить один бокал за наше счастье.

Действительно, речь идет о такой малости.

– Ты единственный родственник Аласдэра в Лондоне, – упрекнула Эсме. – Общество ждет твоего присутствия.

Меррику было плевать на ожидания общества. Общество ничего не сделало для него и ничтожно мало – для его брата. Шотландский баронет со средним доходом не имел большого веса здесь, на юге, а его младший брат – и того меньше, особенно когда он посмел зарабатывать на жизнь. Аласдэр встретил Эсме и влюбился в нее исключительно по воле случая и к большому неудовольствию ее тетушки.

«Никто, Мэдди, не остановит настоящую любовь...»

Что ж, Меррик по крайней мере убедился в правоте этого утверждения. Аласдэр и Эсме безгранично любили друг друга. Никто не был способен отговорить их от этого брака. Этот союз навсегда, Меррик был в этом совершенно уверен. И ради своей новой сестры он заставил себя улыбнуться.

– Так общество ждет? – сказал он. – Видит бог, я не желаю никого разочаровывать.

В зеленых глазах Эсме заплясали смешинки. Меррик искал подходящие слова, чтобы сказать что-нибудь приятное.

– Думаю, ты ждешь не дожدهшься свадебного путешествия? Владения Аласдэра в это время года удивительно красивы.

Эсме нежно улыбнулась.

– Это будет возвращение домой, – мечтательно сказала она. – Я тосковала по Шотландии. Я только надеюсь... – Эсме замялась.

– На что? – настаивал Меррик.

– Я надеюсь, что твоя бабушка не будет чувствовать себя стесненной, – ответила она. – Я знаю, что замок Керр – ее владение. Аласдэр оставил дом, и она ведет его на свой вкус. Думаю, я сумею убедить ее, что ничего не нужно менять.

– Тогда тебе нужно откровенно сказать об этом, – посоветовал Меррик. – Бабушка Макгрегор прямо высказывает, что у нее на уме, и ждет того же от других.

– Кажется, это семейная черта, – лукаво взглянула на него Эсме. – Послушай, Меррик, почему бы тебе не поехать с нами? В конце концов, ведь это дом и твоего детства.

Меррик недоверчиво посмотрел на нее.

– Поехать с вами в свадебное путешествие? Нет. Аласдэр мне за это спасибо не скажет.

– Меррик, Аласдэр тебя любит, – тихо сказала Эсме. – Иногда он даже завидует тебе. Думаю, и ты порой завидуешь ему. Но ты его брат, ты для него целый мир.

– Наше соперничество в прошлом, Эсме, – ответил он. – Мы совершенно разные люди, я смирился с этим. Но поехать с вами на север? Нет, думаю, не стоит.

– Тогда приезжай позже, – настаивала она. – Мы останемся до осени, если не на целый год. Приезжай в любое время. Твоя бабушка будет так рада. Я буду рада.

Похоже, это действительно так. Меррик не понимал симпатии Эсме. Прежде он был не слишком добр к девушке. У Эсме были причины не любить его.

– Посмотрим, как пойдет дело, – солгал он, изобразив изящный поклон. – Благодарю вас за приглашение, леди Маклахлан.

Эсме улыбнулась. Подошедший маркиз Девеллин схватил личико Эсме в свои огромные ладони и звучно расцеловал в обе щеки.

– Девочка моя! – воскликнул он, толкнув Аласдэра локтем. – Бедняжка! Связалась с этим старым повесой! Сколько тебе лет? Семнадцать? А ему? Сорок пять, никак не меньше! Клянусь, судьба обошлась с тобой ужасно несправедливо.

Щеки Эсме вспыхнули. Хотя она и не выглядела на свой возраст, ей было двадцать три. Девеллин прекрасно знал возраст жениха и невесты. Жена маркиза ворчала на мужа и причитала, сочувствуя Эсме.

Меррик воспользовался суматохой и затерялся в толпе. Таков был его план. Когда Меррик прибыл в дом леди Таттон, там уже было множество гостей. Его окликнул один из малочисленных великосветских друзей, граф Уинвуд.

– Где твоя прелестная жена? – спросил Меррик, проталкиваясь сквозь толпу.

Лорд Уинвуд улыбнулся и кивком указал на лестницу.

– Виви в самой гуще событий, – сказал он, – принимает почести от многочисленных обожателей.

Меррик скривился.

– Не хотел бы я жениться на знаменитом итальянском сопрано.

Уинвуд покачал головой.

– Я провел много лет, не будучи женатым на Виви, – ответил он. – Лучше ее слава, чем мои страдания. Кроме того, ты не хочешь жениться вообще, не важно, на знаменитой или нет... – Спohватившись, граф помрачнел. – Прости, дружище! – Он положил теплую ладонь на спину Меррику. – Послушай, можно поговорить о деле? Нам с Виви нужна твоя помощь.

– Какого рода?

– Нам необходим новый дом, – ответил Уинвуд. – Правду сказать, мы сейчас в очень стесненных обстоятельствах.

– Ты хочешь уехать из Мейфэра? – удивился Меррик.

– Ты же знаешь Виви! Ей наплевать на Мейфэр. Нам нужно пространство, и ради этого мы готовы уехать из города. Думаю, Уолем-Грин прекрасно подойдет. Ты ведь хочешь сровнять деревню с землей, – усмехнулся Уинвуд. – Будь добр,

оставь пару гектаров для нас.

Меррик натянуто улыбнулся.

– Вопреки черным сплетням я сровняю с землей только то, что жители Уолем-Грин решили продать или сдать в аренду.

– Да, но твои деньги такие заманчивые, – сказал Уинвуд, – их так много.

– Я плачу настоящую цену, – пожал плечами Меррик.

Уинвуд рассмеялся так громко, что на него обернулись.

– Шотландец никогда не платит настоящую цену! – ответил он. – Ты сделаешь это, Меррик? Ты что-нибудь спроектируешь для нас? И построишь где-нибудь рядом с Челси?

– Почему я, Куин? – мягко поинтересовался Меррик. – У меня в штате дюжина замечательных молодых архитекторов. За последние десять лет я редко брался за карандаш.

– Нам нужно нечто особенное, – сказал Уинвуд. – А тебя называют не только финансовым, но и архитектурным гением.

– Да? – фыркнул Меррик. – И кто же?

Уинвуд неловко пожал плечами.

– Об этом говорят почетные знаки и награды, которыми увешаны три стены в твоем кабинете, – ответил он. – И всякие... всякие академические штуки из Университета Сент-Андруса, те, что развешаны между окнами.

– Штуки? – поднял брови Меррик.

– Послушай, я университетов не кончал, – проворчал Уинвуд, – и не знаю, как они называются. Сейчас мне нужен дом, огромный и высшего качества.

– А как начет Кьюбитта? У его группы все еще есть пара свободных домов на Белгрейв-сквер.

Уинвуд покачал головой.

– Я облазил Белгрейвию вдоль и поперек. Это место мне не подходит. Все красиво, но выглядит так, будто кто-то хотел показать, что он прекрасный строитель. Руки архитектора там не чувствуется. Тебя считали гением уже тогда, когда ты еще не ничего построил, даже простой сторожевой будки. И бурно аплодировали твоим проектам.

– Да, тому уже десять с половиной лет, – сказал Меррик. – В мире архитектурного дизайна, Уинвуд, нужно быть голодным художником, чтобы заслужить такие аплодисменты. Мысль о том, что однажды ты разбогатеешь, сама по себе уже достаточная награда.

– В самом деле? – Тон Уинвуда смущал своей проницательностью.

Меррик колебался лишь долю секунды.

– Да, черт побери, это действительно так.

– Понятно, – сказал лорд Уинвуд. – Тогда, может быть, ты позавтракаешь завтра со мной в «Гербе Уолема» и устроишь экскурсию по деревне?

– Если желаешь, – небрежно повел плечом Меррик, – встретимся в начале второго. И, Уинвуд, если ты серьезно...

– Да.

– Тогда прихвати с собой банковский чек. Я, как ты сказал, шотландец.

Уинвуд рассмеялся и растворился в толпе поклонников, окружавших его красавицу жену.

Глава 3

Не буди лихо, пока оно тихо

Прожив неделю в прелестной деревне Уолем-Грин, леди Бессетт решила, что позднее утро ее любимое время. Повозки с сеном, подводы с кудахчущей домашней птицей, груженные овощами телеги с рассветом уезжали в Лондон, и в деревушке наступала блаженная тишина.

В это чудесное утро графиня сидела в крошечном садике позади коттеджа и пила чай. Прикрыв глаза, она слушала птичьи трели. Пьянящий аромат весны витал в воздухе – запах свежеспаханной земли и полевых цветов. Казалось, она снова очутилась в Йоркшире.

Леди Бессетт ужасно по нему скучала. Открыв глаза, она оглядела сад, обнесенный каменной оградой: кусты роз выются по шпалерам, старые глицинии карабкаются по стене дома вокруг кухонного окна, аккуратная дорожка ведет к двери. Приехав в этот очаровательный уголок, графиня не позволяла себе думать о Йоркшире. И не вспоминала родные места, пока ей не пришлось объяснить свои обстоятельства леди Трейхерн.

Правду сказать, долины Йоркшира стали ей домом лишь на четыре года. Но за это время графиня полюбила его необозримые плодородные просторы. Полюбила свободу, которую принесло ей вдовство. Леди Бессетт поселилась в поместье покойного мужа. Вновь обретенное чувство собственного достоинства медленно прорастало в ее душе, а Лоутон-Мэнор постепенно возвращался к жизни после долгих лет небрежения и отсутствия хозяина.

Она полюбила Лоутон и его людей. Они будут скучать по ней, подумала графиня. Миссис Пендлтон откровенно плакала, когда они с Джеффом садились в карету, направляясь в Лондон. Даже Симмз, старый дворецкий, дважды вытер нос. Да, они будут скучать по ней, молодая хозяйка им не понравится.

Новый граф Бессетт, ее пасынок Алвин, выбрал себе жену сразу после совершеннолетия. К несчастью, его избранница оказалась из тех, кто слугам не нравится. Мисс Эдзелл, дочь соседа-сквайра, часто гостила в Лоутоне. Она в открытую охотилась за беднягой Алвином. И дала ясно понять, что в Лоутоне все

изменится, когда она станет в нем хозяйкой.

Алвина интересовали только фермерство и охота. Не злой, но немного глуповатый, он так отличался от своего целеустремленного и прямодушного отца, что их родство часто вызывало удивление.

Алвин все детство провел в странствиях по Италии. Возможно, поэтому он решил пустить корни на родной земле. Он больше не хотел путешествий и приключений.

– Зачем выбираться в Лондон на светский сезон, кузина Мэдлин, – говорил Алвин, – когда местная девушка меня вполне устраивает?

И он женился на мисс Эдзелл. Мэдлин помогла миссис Пендлтон навести порядок после свадебного пиршества, потом поднялась к себе упаковать вещи.

О, Алвин вовсе не просил ее уезжать. Он обожал ее. Они были родственниками, а когда ему исполнилось восемь лет, она стала ему мачехой. Алвин очень любил Джеффа и никогда не обижал мальчика.

Но мисс Эдзелл обижала их обоих. По косым взглядам новой хозяйки Лоутон-Мэнор Мэдлин понимала, какие ветры скоро подуют. Кроме того, Джеффу нужно жить ближе к Лондону. Сельский доктор очень на этом настаивал. А она... Ей нужны перемены. Ей нужно отвлечься или увлечься. Чем-нибудь. Чем угодно, лишь бы вырваться из цепких лап хандры и уныния, которые долгие годы мучили ее.

Хорошо это или плохо, теперь их домом стало предместье Лондона. После встречи с леди Трейхерн Мэдлин почувствовала себя немного лучше. Говорят, эта дама весьма сведуща в проблемах детского здоровья. В свое время ее называли волшебницей с континента.

Из дома, потягиваясь на ходу, вышел Джефф. Казалось, мальчик рос не по дням, а по часам.

– Доброе утро, мама, – сказал он, поцеловав ее в щеку. – Ты хорошо спала?

– Прекрасно, дорогой, – ответила она. – Похоже, и ты отлично выспался.

Джефф плюхнулся на соседнюю скамейку. Он действительно выглядит отдохнувшим, с облегчением отметила Мэдлин. Она подозревала, что приступы бессонницы, которой сын страдал с детства, одолевают его до сих пор, хотя в свои двенадцать он научился скрывать это.

Клара, новая горничная, поспешно принесла завтрак, и Джефф с удовольствием занялся им. «Господи, каким он становится красивым», – подумала Мэдлин, глядя на сына. Он всего лишь на голову ниже ее, а у нее для женщины высокий рост. Но Джефф не унаследовал ее светлых волос. Мэдлин отвела взгляд и налила сыну чаю.

– Я велела Элизе приготовить мои дорожные туфли, – сказала она. – Ты хочешь прогуляться?

Глаза Джеффа радостно вспыхнули.

– Да, очень. Я хочу посмотреть госпиталь в Челси, – сказал он, его юношеский голос сорвался от волнения. – И еще пройтись вдоль Темзы как можно дальше и посмотреть на большие торговые корабли.

Мэдлин улыбнулась его воодушевлению.

– Темза впадает в море, милый, – сказала она. – Корабли далеко внизу по течению. Лондон – большой город. Но мы можем взять карету.

Джефф покачал головой.

– Тогда сегодня только госпиталь, – сказал он. – Я хочу погулять вокруг него. Мистер Фрост говорит, что его построил сэра Кристофер Рен, как и собор Святого Павла.

В главном лондонском соборе они уже побывали. Его великолепные нефы и парящие потолки привели мальчика в благоговейный трепет. Наставник Джеффа, мистер Фрост, увлекательно рассказывал ученику обо всех чудесах Лондона. Джефф упивался историей и архитектурой столицы.

Мэдлин допила чай и поднялась.

– Выходим через пятнадцать минут, – сказала она, направляясь к двери. – Ты успеешь?

Оба привыкли к долгим пешим прогулкам по долинам Йоркшира. Экскурсия в Челси не сулила ничего сложного и необычного. Погода стояла отменная. Добрых два часа они наслаждались пейзажами, потом пошли обратно по Чейн-уок, любуясь Темзой и выстроившимися вдоль нее прекрасными домами.

– Посмотри, мама, – сказал Джефф, когда они подошли к Окли-стрит. – Посмотри на эти кованые ворота. Мистер Фрост говорит, что дома в Челси знамениты своим кованым железом. Мы можем купить дом здесь? Я бы каждый день видел реку.

Мэдлин рассмеялась.

– Мы уже купили дом, Джефф, – ответила она. – Во всяком случае, заключили договор. И ты будешь видеть реку из своей комнаты.

– Правда?

– Могу показать тебе его сегодня, – предложила Мэдлин. – Я хочу оглядеться и подумать о цвете стен и занавесках.

– Нет, мама, спасибо, – сморщил нос Джефф.

Мэдлин снисходительно улыбнулась:

– Отлично, тогда я покрашу твою комнату в красно-коричневый цвет. Или в цвет тыквы. Пора обедать. Как мы пойдем домой? Смотри, впереди Бофорт-стрит. Она приведет нас к Кингс-роуд. Это будет приятная прогулка.

– Пусть будет так, – добродушно согласился Джефф. – Но поторопись, мама. Я уже проголодался.

Рука об руку они пошли обратно, пару раз задержавшись у витрин магазинов и любуясь домами, которые привлекли внимание Джеффа. Они уже прошли половину улицы, когда Мэдлин почувствовала, что настроение сына изменилось. Рука мальчика выскользнула из ее ладони, болтовня стихла, шаг замедлился. Вдруг Джефф остановился на тротуаре, на лице застыло упрямое выражение. Мэдлин повернулась к сыну:

– Что случилось Джефф?

– Я хочу... хочу назад, мама.

Мэдлин эти признаки были знакомы. Надвигался приступ. Господи, только не сейчас.

– Джефф, нам нужно домой, – уговаривала она. – Пойдем. Мы перегородили тротуар.

– Я не хочу идти! – крикнул мальчик. – Хочу назад.

– Куда назад? – В ее голосе сквозило раздражение.

Какой-то прохожий хмуро оглянулся на них через плечо.

– Чертовы туристы, – проворчал он сквозь зубы.

Джефф невидящим взглядом смотрел вперед. Мэдлин почувствовала, как страх сковал мальчика.

– Назад... назад на Чейн-уок, – захныкал он. – Назад к реке.

– Джефф, милый, это неразумно.

– Как хочешь, – мальчик стиснул челюсти, его лицо помрачнело, – но я дальше не пойду.

– Тебе не нравится Бофорт-стрит? – раздраженно спросила Мэдлин. – Тогда как ты хочешь идти?

– Откуда я знаю? – задыхаясь, ответил Джефф. – Только не сюда. Но я не знаю другой дороги. Пожалуйста, мама.

Мальчик уставился на свои ботинки. Его била дрожь, руки сжались в кулаки, костяшки пальцев побелели.

Мэдлин знала, что, если будет спорить с сыном, станет только хуже. Однажды, в последний год жизни в Италии, Джефф отказался подняться на паром, следовавший до Палермо. Мальчику было тогда семь лет. Вцепившись в перила трапа, он минут десять выкрикивал что-то бессвязное, слезы градом катились по его личику. У Мэдлин не хватило отваги ни оттащить сына прочь, ни втолкнуть его на паром.

Не в первый раз она сдалась перед «приступом гнева», как называл припадки мальчика Бессетт. Теперь, оглядываясь назад, Мэдлин думала, что, возможно, совершила ошибку. Ее муж в этом не сомневался. Паром ушел без них. Всю дорогу до дома Джефф всхлипывал, сжавшись в комок на полу кареты и заткнув уши руками.

Бессетт, конечно, пришел в ярость. На этот раз он настоял, чтобы Мэдлин наказала Джеффа. Иначе он сделает это сам, пригрозил муж. Крепя сердце Мэдлин отхлестала сына прутом по икрам. Это было одно из самых отвратительных переживаний в ее жизни. Наказание не принесло ни капли пользы. Болезненное состояние и судороги Джеффа только усилились.

– Так куда? – мягко спросила она. – Обратно, откуда мы пришли?

Джефф молча кивнул, все еще не поднимая на нее глаз. Мэдлин взяла сына за руку и повела назад. Она буквально тащила мальчика за собой. От радужного настроения не осталось и следа. Мэдлин была рассержена и встревожена. Ей не нравилось видеть сына испуганным и неразумным.

Она, подбадривая, сжала его руку, но Джефф не ответил. Мэдлин закусил губы, чтобы не расплакаться, и ускорила шаг.

«Герб Уолема», старый трактир, построенный из камня цвета дождливого утра, примостился на самом берегу Темзы. В те славные дни, когда река была главной артерией Лондона, трактир стал излюбленным местом лодочников и парней с менее достойной репутацией. Теперь он превратился в заурядную сельскую таверну. Здесь собирались торговцы и фермеры, а не контрабандисты и разбойники с большой дороги.

Меррик Маклахлан обычно встречался в этом трактире с каменщиками, плотниками, словом, с теми, кого не всегда удобно принять в лондонском офисе. А когда дело касалось его любимых объектов вроде Уолем-Грин, Меррик не нанимал даже простого землекопа, не поговорив с ним за пинтой портера или стаканчиком виски.

Он стремился контролировать каждый этап строительства, от первой лопаты вынутой земли до возведения крыши, и не отдавал в подряд никакую работу, если этого можно было избежать. Даже производство кирпича попало в поле его зрения.

Но вершина всех его забот – аренда и покупка земли, на которой он будет строить. Добиваясь своей цели, Меррик поил и угощал обедом инвесторов и банкиров с трех континентов. И порой якшался с аристократией, если этого невозможно было избежать.

Слава богу, это случалось крайне редко. Он не вращался в светских салонах. Великосветские дамы, казалось, боялись, что Меррик Маклахлан может принести на сапогах грязь или – боже сохрани! – запах тяжело потрудившегося человека.

В прохладном полумраке бара время тянулось медленно. Откинувшись в кресле, Меррик нетерпеливо барабанил пальцами по выщербленному столу. Он уже дважды отмахнулся от услуг официантки. Где Уинвуда черти носят? Меррик ненавидел всякую безответственность и считал опоздание худшим ее проявлением. Он возмутился, но тут же одернул себя. Уинвуд никогда не опаздывает.

Во двор въехал экипаж. Поднявшись, Меррик увидел в окно, как Уинвуд выпрыгнул из парной двуколки, бросил монету кучеру и пошел к двери.

– Ты опоздал, – сказал Меррик, когда его друг сел за стол. – Тебе никогда не говорили, что время – деньги?

– Прости, пожалуйста. Будь другом, закажи бутылку бренди.

Меррику показалось, что граф немного нездоров.

– До этого еще далеко. – Но подозревав официантку, Меррик сделал заказ. – Ты в порядке?

Он заметил, что кадык Уинвуда судорожно дернулся.

– В относительном. Я стал свидетелем несчастного случая около Дрейтон-Гарденс. Какой-то безумец на фаэтоне переехал юную девушку. Она пыталась перейти улицу.

– Боже милостивый! И что ты сделал?

Лорд Уинвуд всматривался в полумрак комнаты.

– Я выскочил и попытался помочь, – тихо сказал он, – но было уже поздно. Светлое голубое платье... кровь... все это ужасно. Кингс-роуд прямая как стрела, Меррик! Как можно быть таким легкомысленным?

– Могу тебе объяснить, – скрипнул зубами Меррик. – Очередной знатный кучер из Мейфэра выехал развлечься.

Уинвуд, перегнувшись через стол, пристально посмотрел на друга.

– Теперь ты понимаешь, Меррик, почему я так забочусь о детях? Лондон становится слишком опасным.

– Согласен. – Принесли бренди, и Меррик, наполнив бокалы, подвинул один Уинвуду: – Выпей. Это успокоит нервы.

Уинвуд долго молчал.

– Я хочу, чтобы ты построил нам большой дом, Меррик, – наконец сказал он. – Быстро построил. Дом, где дети могут видеть деревья и не попадут под почтовую карету. Место, где Виви было бы спокойно.

– Твоя жена устала от своей карьеры?

Уинвуд криво усмехнулся:

– Нет, честно говоря, она устала от беременности, хотя оперные дела тоже выводят ее из себя.

Меррик округлил глаза.

– Поздравляю, дружище!

– Мы, конечно, волнуемся, – продолжал Уинвуд. – Утренняя тошнота у нее почти прошла. Но это единственная радость. Ведущее сопрано на прошлой неделе закатила истерику и вернулась в Милан. У дублерши голосок как у маленькой девочки-хористки. И Виви боится, что теперь ей самой придется петь главную партию. Именно этого хочет синьор Бергонци.

– Ах, Бергонци! – сказал Меррик. – Мне нравится твой новый тесть, Уинвуд. В нем любезность сочетается с беспощадностью.

– Мне тоже он нравится, – ответил Уинвуд. – Но проблема частично заключается и в нем.

– Да? Каким образом?

– Ему нужно пространство, – ответил Уинвуд. – Музыкальные комнаты и гостиные. Фортепиано, и не одно! Меррик, этот человек набил мою курительную комнату виолончелями и альтами, а в кладовой стоит старый клавесин. Хуже того, классная комната буквально трещит по швам...

– Классная комната? – перебил его Меррик. – Не знал, что она у тебя есть.

– Раньше это была моя бильярдная, – хмуро признался Уинвуд. – И мне бы хотелось, чтобы она снова ею стала, хоть когда-нибудь.

– Забудь об этом, старина. Такая же беда приключилась с Аласдэром.

Уинвуда это не утешило.

– Мама, Генри и моя сестра Элис с тремя детьми приехали на светский сезон, – продолжал он. – Элис просто огромная, говорят, на этот раз у нее близнецы. Меррик, я в отчаянии и ужасно тороплюсь. Ты не можешь просто сломать стену и соединить два соседних дома у реки? Я оба куплю.

– Неплохое решение, – сказал Меррик. – Пойдем посмотрим. Ты, похоже, потерял аппетит.

– А ты?

– У меня его никогда не было, – признался Меррик. – Я никогда не ем днем.

– Аласдэр говорит, что ты вовсе не ешь, если можешь пообедать у него, – улыбнулся Уинвуд. – Но теперь с этим будет трудно, ведь новобрачные отправились в Шотландию.

– Я наконец построил себе дом, – напомнил ему Меррик. – И у меня есть слуги.

– Ты построил дом и набил его своими работниками, – поправил Уинвуд. – А это нечто другое. У тебя даже нет столовой, насколько я видел.

– Моим чертежникам и конструкторам нужно место, – оправдывался Меррик. – Я могу поесть и в своем кабинете. Так ты пойдешь смотреть эти чертовы дома или нет?

Уинвуд замолчал, и они вышли.

Прогулка вдоль реки была недолгой, легкий ветерок с Темзы прояснил Меррику голову. Солнце пригревало не по сезону жарко, и оба джентльмена были вынуждены распустить галстуки. Вскоре они добрались до строительной

площадки, где шестеро взмокших мужчин рыли подвал. Рядом трое каменщиков скрепляли раствором фундамент второго дома, плотники возводили каркас третьего. За ними виднелось еще десять домов, близких к завершению.

– Боже правый! – воскликнул, оглядываясь, Уинвуд. – Все это похоже на фабрику без стен. Только ты выпускаешь дома, а не чулки.

– Именно так, – ответил Меррик. – В этом и заключается экономия или, вернее, прибыль. Ты желаешь угловой дом?

– Да, я бы предпочел его.

– Самый верхний уже продан, – сказал Меррик. – Розенберг на прошлой неделе отослал бумаги. Тебе придется подождать, когда закончат те два у подножия холма.

У графа вытянулось лицо.

– Проклятие! Верхний дом очень хорош.

– Там ветер с реки, – предупредил Меррик. – Так что его дорожке будет отопить. Кроме того, вдова из Йоркшира уже заключила договор.

– Договор еще не право на собственность, – подмигнул Уинвуд. – Послушай, Меррик, мы старые друзья. Отопление меня не останавливает.

– Ты говоришь как англичанин!

– Ты даже не знаешь эту женщину. Что, если я заплачу цену, которая перебьет контракт?

– Мое слово закон, – холодно ответил Меррик. – Выбирай другой дом. Или возвращайся в Белгрейвию и купи одно из чудовищных созданий Тома Кьюбитта. Я не обижусь.

– Ты прав, – изобразил смущение Уинвуд. – Просто я очень хочу порадовать жену. Эти дома внизу замечательные. Но они стоят немного неровно. Один чуть выше,

разве не так?

– Да, и я этим воспользуюсь. Если объединить лестничным переходом общие комнаты, там будет двойное пространство, а личные покои наверху сохранят уединение. Я могу разместить музыкальные комнаты и гостиные Бергонци на одной стороне, а классные комнаты и детские – на другой. И даже устроить две столовые, если пожелаешь.

– Звучит заманчиво. – Уинвуд потер подбородок. – А какие будут интерьеры? Я должен дать Виви полный отчет.

– Я могу показать тебе дом на верху холма. – Меррик вытащил из кармана связку ключей. – Твои интерьеры, разумеется, будут спроектированы, учитывая потребности семьи. Но столярка, отделка, полы и потолки будут такие же, если ты не закажешь другого.

Рабочих поблизости не было. Уинвуд и Меррик неторопливо поднимались на холм. Шум стройки постепенно стихал. Когда они подошли к крыльцу стоящего на холме дома, Меррик услышал доносящиеся изнутри удары.

Уинвуд насмешливо взглянул на Меррика:

– Там кто-то есть.

– Черт возьми, никого там не должно быть! Вчера все покрасили в первый раз, и краска будет сутки сохнуть.

Стук не стихал. Меррик повернул ключ в замке и вошел. Солнце лилось сквозь большие запертые окна, нагревая воздух, пропитанный невыносимым запахом краски. Вдвоем они пошли на шум, доносившийся из гостиной, и заглянули в приоткрытую дверь. Высокая, стройная женщина с белокурыми волосами, стоя к ним спиной, била ладонью по раме, пытаясь открыть окно.

– Извини, – натянуто сказал Меррик Уинвуду. – Наверное, покупательница.

– Я поднимусь наверх, – сказал Уинвуд, направляясь к лестнице, – хочу посмотреть спальни.

– Черт возьми! – донеслось из гостиной.

Меррик вошел в комнату.

– Ради бога, прекратите стучать по окну!

Пронзительно вскрикнув, женщина прижала руку к груди.

– О господи! У меня чуть сердце не оборвалось.

– Это был бы менее болезненный конец, чем смерть от потери крови.

– Простите?

Женщина отвернулась от окна. Глядя на пустые банки из-под краски, она отодвинула одну носком туфли. Меррик увидел лицо нежданной посетительницы, и у него перехватило дыхание.

– Краска склеила рамы, – с трудом выговорил он. – Их нужно будет подрезать, мэм. Если вы будете стучать по оконному переплету, можете сильно пораниться.

– Правда? – Ее брови высокомерно поднялись, и она снова посмотрела мимо него отсутствующим взглядом.

Воздух застрял у него в легких. Боже милостивый! Нет. Нет, этого не может быть.

Мысли Меррика были холодны как мрамор и не будили в нем никаких чувств. Должно быть, он ошибся. Вчерашняя свадьба, поездка в церковь – все это расстроило его ум.

– Что ж, я запомню ваш блестящий совет, – наконец сказала она. – Эту комнату нужно обить желтым шелком, а не красить. – Она порывисто обвела комнату рукой. – Могу я надеяться, что вы из тех, кто может это организовать?

– Да. – Меррик шагнул из тени на свет. – Я владелец этого дома.

– Это ошибка. – Голос женщины звучал спокойно и уверенно. – Я заключила контракт на покупку дома в прошлую среду.

– С моими юристами, – пояснил Меррик.

Господи, определенно... определенно он ошибся. Впервые за много лет Меррик разнервничался и лишился присутствия духа.

– Э-э... такие дела я поручаю фирме мистера Розенберга, – с трудом продолжил он. – Посмотрите внимательно договор. Вы увидите, что дом продает «Макгрегор и К°».

Женщина повернулась и наконец взглянула ему прямо в лицо. Высокомерие мгновенно исчезло, сменившись ужасом дурного предчувствия. Возникла долгая неловкая пауза.

– И вы... вы мистер Макгрегор? – едва дыша, спросила она.

Это не случайный вопрос. В голосе женщины явно слышались мольба и желание избежать неминуемого. Ее зеленые глаза скользнули по шраму, пересекавшему его лицо. Она сомневалась. Но, видит бог, у Меррика сомнений не было.

– Вы... ваше лицо мне кажется знакомым. – Ее голос уже явно дрожал. – Я леди Бессетт. Скажите, мы... мы встречались?

Господи помилуй! Встречались?! Тошнота подкатила у него к горлу. На лбу выступила испарина. Меррик открыл рот, не зная, что сказать. Уинвуд как раз спускался по лестнице.

– Восемь спален! – Голос графа эхом отдавался в пустом доме. – А в двух будет шестнадцать, я прав? – Он вошел в комнату и резко остановился. – Прошу извинить. – Уинвуд окинул взглядом женщину: – Моя новая соседка, как я понимаю? Умоляю, Меррик, представь меня ей.

Меррик почувствовал, что его сковало оцепенение.

– Да-да, конечно. – Он жестом указал на друга. – Позвольте представить вам, мэм, графа Уинвуда. Уинвуд, это... это... – Рука Меррика бессильно упала. – Это Мэдлин, Куин. Это... моя жена.

Женщина издала странный сдавленный звук. Кровь отхлынула от ее лица. В слепом отчаянном жесте искала она опоры, но хватала рукой только воздух. Колени у нее подогнулись, и она рухнула без чувств. Шелк платья разлился по полу темно-зеленым озерцом.

– Господи Иисусе! – прошептал Уинвуд. Встав на колени, он хлопал женщину по щеке. – Мэм! Что с вами, мэм? Вы в порядке?

– Нет, она не в порядке, – сурово сказал Меррик. – Она не может дышать. Здесь душно. Наверное, ей сделалось дурно от запаха краски. Отойди. Надо дать ей воздуху.

Меррик поднял Мэдлин на руки, словно она была невесомой. Несколько больших шагов, и они оказались на улице, под лучами ослепительного солнца.

– Положи ее на травку! – посоветовал Уинвуд. – Боже мой, Меррик! Твоя жена? Я думал... думал, она умерла! Или уехала в Индию! Или что-нибудь подобное!

– Думаю, в Рим, – ответил Меррик. – Оказывается, она вернулась.

Он мягко опустил Мэдлин на куртину молодой травы. У него сердце готово было выскочить из груди. Вопросы лихорадочно проносились в уме. Уинвуд отчаянно пытался привести женщину в чувство. Меррик, не вставая с колен, одной рукой уперся в бедро и, словно в молитве, уронил голову на другую.

Но теперь не о чем молиться.

В свое время он молил Бога о том, чтобы больше никогда не встречаться с Мэдлин. Но Господь отказал ему в этой милости. Меррик стиснул пальцами переносицу, словно боль могла отогнать воспоминания.

Мэдлин приподнялась на локтях.

– Ну и ну! – бормотал Уинвуд. – Простите, мэм. Не хотел вас пугать. Как я понимаю, вы давно не видели Меррика? Это шок, я уверен. Да-да настоящий шок.

– Заткнись, Куин, – сказал Меррик.

– Да, конечно, – согласился граф. – Я слова не скажу. Вам двоим есть о чем поговорить. Мне... мне, наверное, лучше уйти? Или остаться? Нет, я понял! Наверное, миссис Маклахлан хочет, чтобы я поискал бренди?

Дама в ответ на это сдавленно вскрикнула и прижала руку ко лбу.

– Да заткнись же, Куин! – повторил Меррик.

– Да-да, – округлил глаза Уинвуд.

Мэдлин пыталась встать на ноги. Ее густые светлые волосы рассыпались по плечам.

– Дайте мне подняться, – настаивала она. – Отойдите, ради бога!

– Я бы не советовал вам вставать, – предупредил Уинвуд. – У вас голова закружится.

Но зеленые глаза Мэдлин смотрели только на Меррика и горели гневом.

– Я не знаю, что это за шутки, – прошипела она, – но вы... вы мне не муж.

– Сейчас не время обсуждать это, Мэдлин, – проворчал Меррик. – Позволь предложить мою карету и доставить тебя домой.

Но Мэдлин уже отпрянула, ее лицо исказила маска ужаса.

– Нет, – выдавила она. – Ни в коем случае. Вы... вы безумны. И жестоки. Очень жестоки. Вы всегда таким были. Мне довелось это испытать, вы же знаете. А теперь прочь от меня! Прочь! Слышите?

Это было почти равносильно признанию, что она знакома с Мерриком. Повернувшись, женщина на нетвердых ногах пошла по тропинке.

Джентльмены на почтительном расстоянии следовали за ней, только чтобы убедиться, что она в состоянии идти. Меррик больше не чувствовал себя джентльменом. Он чувствовал себя... выпотрошенным. Выпотрошенной рыбой, которую бросили на горячую сковороду. Только вместо огня его жгла бешеная ненависть его жены.

Лорд Уинвуд смотрел ей вслед, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца.

– Знаешь, не думаю, что она тебя любит, старина, – сказал он, когда юбки Мэдлин, мелькнув, исчезли за углом.

– И это объясняет ее тринадцатилетнее отсутствие, не так ли? – угрюмо сказал Меррик.

– Более-менее, – согласился его друг. – Надеюсь, ты не станешь искать примирения?

– Заткнись, Куин, – в очередной раз сказал Меррик.

Уинвуд, казалось, не только не обиделся, он даже не слушал.

– Скажи, Меррик, у тебя в столе еще осталось виски? – спросил он.

– Конечно. Целая бутылка.

Уинвуд опустил руку.

– Это только начало, – сказал он и пошел вниз по холму. – Пойдем, дружище. Боюсь, виски сегодня нам очень понадобится.

Не женись на деньгах, взять займы гораздо дешевле

Мэдлин в слепой панике мчалась по деревне. Домой. Скорее домой. Это безумие. Это невозможно! На следующем повороте она чуть не сшибла джентльмена, выходящего из табачной лавочки. Он испуганно отступил с тротуара на мостовую. Миссис Бек дружески окликнула ее из почты. Мэдлин посмотрела на нее пустым взглядом и побежала дальше.

Домой. Домой! Глаза отчаянно искали нужную улицу. Увидев ее, Мэдлин свернула за угол. Крошечный коттедж стоял на краю лужайки, крепкий и надежный. Она мчалась к нему, как потом сообразила, с безумным видом. Подлетев к двери, Мэдлин дернула задвижку и метнулась внутрь, захлопнув за собой дверь. Ее прическа совершенно растрепалась, волосы упали на спину.

Миссис Дрексел, ее новая экономка, шла через гостиную с подносом в руках.

– Добрый день, миледи, – удивленно сказала она. – Что-нибудь случилось?

– Элиза, – задыхаясь, проговорила Мэдлин. – Мне нужна Элиза. Где она?

Экономка неуклюже присела в реверансе.

– В кухне с Кларой. Я пришлю ее к вам.

Мэдлин поднялась к себе в комнату и раздвинула шторы на окне, выходившем на лужайку. Ее глаза обшаривали пространство и ничего не находили. Как она глупа! Неужели она вообразила, что он последует за ней? Если он не потрудился сделать это за тринадцать лет, то с чего станет делать это сейчас?

Наверное, она действительно сошла с ума. Меррик и мысли о нем наконец завершили свое черное дело и довели ее до безумия.

– Что случилось, миледи? – тронула ее за плечо горничная.

– Ох, Элиза! – Мэдлин отпустила занавески и прижала пальцы к губам. – О господи! Это он.

– Кто, миледи? – От руки Элизы, лежавшей на плече Мэдлин, веяло теплом и покоем. – Не может быть, что все так плохо.

– Может, – тихо и отчаянно вырвалось у Мэдлин. – Он... он вернулся. Спустя все эти годы вернулся.

Элиза замерла.

– Мистер Маклахлан? Вы о нем говорите?

Мэдлин молча кивнула.

– Пресвятая Дева, – прошептала горничная. Потом ободряюще обняла Мэдлин за плечи: – Миледи, может быть, вам показалось? Возможно, вы увидели... родственника. Кого-то похожего. Вы как-то говорили, что у него был брат.

– Да, сэр Аласдэр. Но они совсем не похожи, – покачала головой Мэдлин.

Присев на край кровати, разбитая и подавленная, Мэдлин в простых бесстрастных словах изложила историю служанке.

– Похоже, он построил все эти прекрасные дома, – закончила она свой рассказ. – Или владеет компанией, которая их строит. Или что-то вроде этого. Кажется, он не возвращался в Шотландию.

– Господи Иисусе! – воскликнула Элиза. – И он утверждает, что вы ему жена! Да как ему не стыдно!

– Почему он так сказал, Элиза? – Мэдлин умоляюще смотрела на горничную. – Почему спустя все эти годы он говорит такие вещи?

– Понятия не имею, – ответила служанка. – Наверное, он так считает.

– Как он может? – вскрикнула Мэдлин. – Он... он хотел избавиться от меня. Ему нужны были только папины деньги. Нет, он меня никогда не любил. Ох, Элиза, это так жестоко! Я думала, что после смерти Бессетта буду жить в покое. Неужели я прошу слишком много, Элиза? Неужели?

– Да, это жестоко, мэм. – Элиза, утешая, гладила руку Мэдлин. – Но возможно, это конец всему. Может быть, вы его больше никогда не увидите.

– Я об этом Бога молю! – уронила руки Мэдлин. – Он выглядит... Ох, Элиза... он совсем другой. Такой мрачный. Почти демонический. У него длинные руки и такие холодные глаза. И этот шрам... Страшный... ужасный... я не могу этого объяснить. Он похож на себя... и в то же время совершенно другой.

– Кажется, я понимаю, – ответила Элиза, взбивая подушки. – Говорят, грешники никогда не стареют красиво.

Мэдлин скептически посмотрела на нее.

– Никогда такого не слышала.

Элиза неубедительно улыбнулась и сменила тему:

– Пока вас не было, заходила ваша новая знакомая, леди Трейхерн.

– Правда? Я не ожидала.

– Она приглашает вас в субботу на чай. И хочет, чтобы вы взяли с собой мистера Джеффри.

– Подумать только! – Мэдлин прижала пальцы к вискам. – Джефф! Где он?

– Он вышел около двух, миледи, – сказала Элиза. – Мальчик снова весел и спокоен. Вы... вы не возражаете?

Мэдлин нашла в себе силы покачать головой.

– Прогулки идут ему на пользу, – тихо сказала она. – Доктор Феллоуз говорит, что в его состоянии... в его настроении нехорошо все время сидеть, уткнувшись в книгу.

– Да, ему всего двенадцать, хоть выглядит он старше, – заметила Элиза. – Никакой беды нет в том, что он пройдет по деревне.

– Конечно, нет, – согласилась Мэдлин. – Элиза! Эта деревня! Этот дом! Как я смогу жить в нем, зная, что он здесь?

Элиза снова погладила ее по руке.

– Сомневаюсь, что он создаст проблемы, мэм. – Если бы он этого хотел, то давным-давно сделал бы это. И у вас не будет нужды видеться с ним. Ведь так, мэм?

– Я... я не знаю, – призналась Мэдлин. – Деревня такая маленькая. Если он намерен направо и налево рассказывать, что я его жена, я просто этого не вынесу. Его нужно остановить. Наверное, мне завтра следует отправиться к мистеру Розенбергу и разорвать контракт. Может, нам лучше жить в Лондоне? Ты станешь возражать, Элиза?

– Думаю, возражать будете вы, – мягко сказала горничная. – И вскоре рассердитесь на себя, что в очередной раз отказались от того, чего желали всем сердцем.

Мрачная улыбка тронула губы Мэдлин.

– Ты слишком хорошо меня знаешь, Элиза.

– Я знаю вас достаточно хорошо, – согласилась служанка. – А теперь вам лучше прилечь и отдохнуть. У вас болит голова, это я тоже знаю. Я задерну шторы и положу вам на лоб холодный компресс. Вы скоро примете решение, и тогда горе мистеру Маклахлану.

Мэдлин легла, но не дала воли слезам.

– Я не позволю ему победить меня, Элиза, – поклялась она. – Я подавлена, но еще не проиграла.

– Вот это на вас больше похоже, мэм, – ответила Элиза, задерживая шторы. – Правда на вашей стороне. Все дело в том, что вы скучаете по Лоутону, а у мистера Джеффри было тяжелое утро.

– Но ведь я приду в себя, правда? – мрачно сказала Мэдлин. – Если он рассчитывает создать мне проблемы, то встретится не с робкой девочкой, какой я когда-то была. Я научилась выносливости и выдержке. И будь я проклята, если Меррик Маклахлан снова одержит надо мной верх. Этому не бывать.

Элиза взялась за ручку двери.

– Вы уверены, что хотите встретиться с мистером Розенбергом, мэм? – спросила она, оглянувшись.

Мэдлин задумалась.

– Пожалуй, нет, Элиза, – ответила Мэдлин. – Только в том случае, если мистер Розенберг может пролить свет на эту ситуацию. Есть серьезные вопросы, на которые я хочу получить ответ.

Когда служанка вернулась с компрессом, Мэдлин, сбросив туфли, лежала на постели и безучастно смотрела в потолок, проигрывая в уме подробности утреннего несчастья. Она не вспоминала свой обморок, наоборот, в воображении она залепила Меррику звучную пощечину и высказала, как она ненавидела его все эти годы.

Элиза принесла горячий чай. Мэдлин сразу поняла, что в него добавлен успокоительный отвар, но без лишних вопросов выпила всю чашку. После ужасных утренних событий она отдала себя в умелые руки Элизы. Горничная тщательно задерживала шторы, чтобы ни один солнечный лучик не проник в комнату. Мэдлин начала погружаться в забытие.

Перед ее внутренним взором возник Меррик, такой, каким она видела его в юности простодушными и бесхитростными глазами. Она полюбила его с такой силой, о существовании которой даже не подозревала. Она считала его непобедимым и пылким. Талантливым и благородным. И опытным. Но он оказался таким же глупым и наивным, как она.

Нет. Это неправильно. Мэдлин, стукнув рукой по подушке, попыталась рассуждать здраво. Меррик сыграл на ее наивности. Он лишь притворился страстным и благородным. Разве не так говорил папа? Сонный туман начал сгущаться, Мэдлин уже с трудом отделяла пелену сладких воспоминаний от горькой правды.

– Мэдди! – Теплые губы кузины Беки щекотали ей ухо. – Этот архитектор снова на тебя смотрит.

Мэдлин выпрямилась, оторвавшись от яств пикника, и посмотрела вокруг. Вот он. Очень высокий смуглый молодой мужчина из прошлой ночи. Мэдлин видела его несколько вечеров подряд. Он смотрел на нее, как всегда, горячо, и его светло-голубые глаза горели огнем, который она уже начала узнавать. Ее пульс пустился в галоп. Мэдлин оперлась рукой о землю, словно стараясь набраться сил.

– Он никто, Мэдлин! – прошипела кузина Имоджин. – Младший сын какого-то шотландского баронета, о котором никто не слышал, а его брат ужасный повеса. Умоляю, не смотри на него. Мама говорит, что он дерзкий и самонадеянный. И его ни в коем случае не следовало приглашать сюда.

Беки рассмеялась над словами сестры.

– Ты просто завидуешь, Имоджин, потому что вчера он не танцевал с тобой. А со мной танцевал, а с Мэдди – даже два раза!

– Мэдди только школу окончила, – сморщила нос Имоджин. – Она ничего не понимает, но ты-то разбираешься. Говорю тебе, что этот мистер Маклахлан не джентльмен. Мама слышала, что он согласился спроектировать приморскую виллу для лорда Мортон. За деньги!

– Да, и лорд Мортон с радостью ухватился за этот шанс. Ведь так? – возразила Беки низким, томным голосом. – Что касается меня, то я ухватилась бы за возможность снова потанцевать с ним. Говорят, он настоящий художник.

– Он настоящий нищий, – фыркнула сестра.

– Тогда он самый красивый нищий из всех, что я видела, – парировала Беки. – Думаю, мне понравилось бы жить с голодным художником. Это было бы так романтично...

– В таком случае и тебе пришлось бы голодать. – Имоджин щелкнула пальцами, подчеркивая свои слова. – Папа лишил бы тебя денег.

– Что ж, тогда тебе больше достанется. – Беки так резко повернулась к младшей кузине, что ее локоны взлетели в воздух. – Мэдди, ты можешь заполучить его! В конце концов, ты наследница.

– Я... я не знаю. – Мэдлин не могла оторвать глаз от смуглого молодого мужчины. – Боюсь, папа откажет.

– Конечно, откажет, – надменно сказала Имоджин. – Ты должна выйти за лорда Генри Уинтерза, все это знают.

– А я не знаю, – тихо возразила Мэдлин.

– Ох, Мэдди, не будь глупой гусыней, – теряя терпение, сказала Имоджин. – Как же дядя Ховард станет премьер-министром, если ты этого не сделаешь?

– А при чем здесь я? – удивилась Мэдлин. – Не вижу никакой связи.

– Эх ты, простофиля. Так делается политика, – вздохнула Имоджин. – Ты выйдешь за Генри, потом отец Генри и его коалиция консерваторов объединятся с друзьями дяди Ховарда, и тогда дядя получит большинство голосов...

– Хватит, Имоджин. – Беки ущипнула сестру за руку. – Ты ошибаешься. Дядя никогда не станет использовать Мэдди.

– Так устроен мир, – проворчала Имоджин. – Честно говоря, Беки, можно подумать, что ты такая же неопытная провинциалка, как Мэдлин.

Но Мэдлин едва слышала перебранку сестер. Высокий мужчина, мистер Меррик Маклахлан шагал к ней, не отрывая от нее горящих глаз. Внутри у Мэдлин все сжалось, сердце запрыгало в груди. Она надеялась – да, надеялась, – что он

снова попытается ее поцеловать.

Он наклонился и подал руку, сильную и гибкую. Золотое кольцо поблескивало у него на мизинце.

– Леди Мэдлин, – сказал он со слабым шотландским акцентом, – вы не прогуляетесь со мной по берегу?

Мэдлин не могла дух перевести.

– Я... я не... – Она замолчала и проглотила ком в горле. Мэдлин немного побаивалась этого мужчины. И еще больше боялась себя. – Да, мистер Маклахлан. С удовольствием.

Мэдлин не стала искать тетю Эмму, хотя знала, что это полагается сделать. Она была почти уверена, что мистер Маклахлан из тех мужчин, которых тетя не одобряет.

Не сказав ни слова, Меррик повел ее прямо к реке. Они шли довольно долго, пока звуки и краски пикника не исчезли за деревьями. Пока рододендроны не превратились в настоящие заросли. Пока говор реки не заглушил остальные звуки. Тогда Меррик остановил Мэдлин у высокого дерева. Его серьезные льдисто-голубые глаза долго изучали ее лицо, потом его ресницы дрогнули, и он наклонился к ее губам.

Мэдлин почувствовала, что у нее подгибаются колени. Что-то восхитительное и грешное закружилось у нее внутри, как вчера вечером. Сейчас он целовал ее по-другому, приоткрыв ее губы, лаская медлительными движениями языка. Волшебные ощущения разливались по ее телу, зажигая огонь желания. Мэдлин задрожала и, положив руки ему на плечи, неохотно оттолкнула его.

Оторвавшись от ее рта, Меррик отпрянул.

– Нас могут заметить, – прошептала она.

Его лихорадочный взгляд не отрывался от нее.

– Да, но меня это не волнует, – хрипло ответил он. – А тебя?

– Я... я не хочу злить отца, – ответила Мэдлин. – И такой поцелуй – это... неправильно, правда?

– Вовсе нет, если мы любим друг друга, – прошептал он.

– Но вы меня едва знаете.

В глазах Меррика вспыхнули упрямые огоньки.

– Я знаю тебя достаточно хорошо, – сказал он. – Достаточно, чтобы понять, что ты создана для меня и хочешь меня.

– Вам не говорили, что вы чересчур самонадеянны, мистер Маклахлан?

Легкая улыбка тронула его губы.

– Ты считаешь, что я ошибаюсь, девочка? Скажи прямо, и я уйду.

Мэдлин нерешительно облизала губы.

– Нет. Нет, этого я сказать не могу.

Они снова слились в поцелуе. Он стал глубже, настойчивее. Умелые руки Меррика прошлись по ее телу, превращая желание в пронзительную боль. Мэдлин горела, томила и... и жаждала чего-то!

Когда он остановился, она едва смогла перевести дыхание.

– Мистер Маклахлан! – едва сумела выговорить она. – Вы позволяете себе... неприемлемое.

Меррик со всей серьезностью посмотрел на нее.

– Да, но я это скоро исправлю, – поклялся он. – Я собираюсь жениться на тебе.

Мэдлин попыталась укоризненно посмотреть на него.

– Вы поразительно самоуверенны.

– О нет, – возразил Меррик. – Я решительный.

Мэдлин вскинула подбородок.

– А если я не хочу выходить за вас замуж?

– Да, возможно, не хочешь, – мягко согласился он. – Я не знаю красивых слов, чтобы очаровать тебя. У меня ничего нет, кроме пары крепких рук и таланта, но этого достаточно, чтобы у тебя была крыша над головой.

Его искренность поразила Мэдлин.

– И это все?

Меррик пристально смотрел ей в глаза.

– Да, все, – сказал он, крепче сжав ее плечи. – Этого хватит, чтобы завоевать тебя?

Мэдлин застенчиво подняла на него глаза.

– Я не совсем уверена, мистер Маклахлан, – поддразнила она. – Наверное, вам нужно снова поцеловать меня, чтобы помочь мне принять решение.

Его глаза потеплели.

– Черт с ним, с поцелуем, – улыбнулся он. – Я хочу тебя в своей постели.

– Как я понимаю, это очередное ваше достоинство, – прошептала Мэдлин. – Или талант?

– Дерзкая девчонка! – пробормотал Меррик, прижимая ее к груди. – Пусти меня к себе под одеяло и сама узнаешь.

– Я... я не посмею.

Его взгляд стал решительным.

– Посмеешь. Сегодня вечером, – сказал он, – я буду под твоим окном.

– О господи! – зажмурилась Мэдлин. – Отец вас убьет.

– Тогда я умру счастливым человеком, – торжественно объявил Меррик. – Мы можем просто поговорить, Мэдди, если это все, что ты хочешь.

Боже правый, Мэдлин хотела не только этого.

– Мы не станем разговаривать, – прошептала она. – Ведь у нас все серьезно, правда? Даже я это понимаю.

Меррик сильнее прижал ее к себе.

– Я брошу в окно камешек. Ты вступишь меня, милая?

Мэдлин проглотила ком в горле и почти против воли кивнула. Его рот снова припал к ее губам, бросая в дрожь и лишая равновесия...

– Так кто же она, Меррик? – спустя пару часов спросил Уинвуд. Закинув ноги на письменный стол Меррика, он вертел в руках стаканчик крепкого виски. – Или, вернее, была? Я никогда о ней не слышал.

Меррик, поднявшись из-за стола, подошел к буфету. Для родственников и близких друзей его опрометчивый юношеский брак не был тайной. Но, по молчаливому согласию, о нем никогда не говорили.

Сейчас Меррик не особенно хотел распространяться об этом. Но Уинвуд оказался в неловком положении, став свидетелем неожиданной встречи. Он не знал, кто такая Мэдлин. Уинвуд на несколько лет моложе Меррика. К тому времени, когда он стал вращаться в свете, сплетни постепенно утихли. Меррик не желал поднимать эту тему. Праздная болтовня – коварная штука. Она может непредсказуемым образом повлиять на бизнес.

– Ты уклоняешься от ответа, дружище? – Голос Уинвуда вернул его к действительности. – Можешь послать меня к дьяволу. Мои чувства от этого не пострадают.

Меррик выдернул пробку из бутылки.

– Леди Мэдлин Ховард, – бесстрастно ответил он, наполняя свой стакан. – Она дочь графа Джессопа, точнее, была.

Уинвуд нахмурился, потом лицо его прояснилось.

– Дочь старого солдафона-консерватора? – спросил он. – Которого звали Меч Шеффилда?

– Да, потому что он всегда рубил сплеча, – ответил Меррик.

– Не могу похвастаться, что следил за политическими интригами, – признался Уинвуд, – но это имя известно даже мне. Насколько я слышал, Джессоп – отвратительный тип. Теперь уж он умер?

– Умер несколько лет назад во сне.

Хотя этот негодяй заслуживал худшей смерти! Сев в кресло, Меррик медленно потягивал виски. Очень медленно. Ни леди Мэдлин Ховард, ни ее напыщенный папаша не стоили бутылки доброго выдержанного виски, которую пришлось открыть. По совести говоря, она даже не стоила гнева и возжеления, которые сжигали ему нутро уже два часа. Но он покончил с этим, как отрывают голову змее, чтобы не укусила.

Сейчас Меррик не чувствовал ничего, кроме медленно растекающегося по жилам огня, зажженного виски, и нетерпеливого желания заняться чем-нибудь – следующей встречей, новым проектом, чем угодно, что могло отвлечь его от самого себя, увести в мир практичности и рациональности. Но он не мог выставить друга за дверь сейчас, когда они практически дошли до дела.

– Как я понимаю, о твоём браке с ней мало кто знает? – продолжал осторожно расспрашивать Уинвуд.

Меррик, глядя в пространство, кивнул.

– Мы сбежали, – ответил он, – под конец её первого светского сезона. Аласдэр никогда не рассказывал тебе эту историю?

– Нет. А разве он должен был это делать?

Меррик горько усмехнулся:

– Это было так романтично. Я стащил у Аласдэра двуколку, и мы помчались в Гретна-Грин с тридцатью фунтами в кармане.

– Черт возьми! – Каблуки Уинвуда стукнули об пол. – Никогда не встречал никого, кому бы это удалось. Господи, да как ты это сделал?

От отчаяния. От страсти. Чувствуя, что дьявол дышит в спину.

– Обычным способом, – усмехнулся Меррик. – Записочки, переданные через лакея и служанку. Пара чемоданов. Лестница у окна. И конечно, побег в полночь. Какое же тайное бегство без этого романтического времени?

Уинвуд улыбнулся:

– И старик вас не поймал?

– Не сразу.

– И что тогда?

Меррик приподнял бровь. Хотя они и друзья, разговор зашел слишком далеко.

– Послушай, Куинтин, – проворчал он. – Старые сплетни в карман не положишь. Ты собираешься покупать дом?

Уинвуд странно посмотрел на него.

– Ну, если ты...

Резкий стук в дверь прервал его слова. Вошел Фиппс, дворецкий и по совместительству камердинер Меррика.

– Пришла мисс Бромли. Ей назначена встреча в четыре.

За спиной Фиппса стояла женщина. Она с головы до ног была одета в черный шелк. Черная, украшенная бусинками вуаль, скрывала глаза. На запястье висела маленькая сумочка, обширное декольте выставляло на показ пышную грудь. Мисс Бромли определенно пришла не за тем, чтобы обсуждать покупку дома.

Подняв брови, Уинвуд бросил на Меррика оценивающий взгляд и поднялся на ноги.

– Я зайду завтра, – тихо сказал он. – Не буду мешать твоей... твоей встрече, старина.

Меррик небрежно повел плечом и допил виски.

– Задержись, если хочешь, – пробормотал он. – Я сегодня великодушен.

В глазах Уинвуда вспыхнула тревога.

– Я с этим завязал, дружище. – Он со стуком поставил стакан на стол. – Я лучше пойду. Поговорю с женой и зайду завтра, хорошо?

Фиппс уже исчез. Мисс Бромли насмешливо смотрела вслед Уинвуду, тонкие губы большого рта сложились в странную полуулыбку.

– Ваш друг недавно женился? – Голос у нее был низкий и хрипловатый.

Меррик не ответил.

– Вы от миссис Фарнем?

– Я Бесс, – сказала она, поднимая вуаль и открывая пару темных холодных глаз.

«Отлично», – подумал Меррик. Душевного тепла ему сейчас не надо. Он был очень рад, что избавился от Китти с ее простодушной, почти детской улыбкой.

Заперев дверь кабинета, Меррик прошел в смежную комнату, которую он превратил в спальню, чтобы быть как можно ближе к работе. Женщина последовала за ним.

Встав у окна и скрестив на груди руки, Меррик разглядывал мисс Бромли. Он совершенно забыл, что сегодня четверг. Новая посланница миссис Фарнем была красива мрачной, чувственной красотой. Временами ему такие женщины нравились. Но сегодня его подмывало отправить визитершу обратно. Он был не в настроении заниматься ею.

Или все-таки в настроении?

Меррик снова подумал о Мэдлин, о том, каким ударом было увидеть ее после стольких пустых лет. А чего он ожидал? За тринадцать лет он не получил от этой женщины даже намека на раскаяние и сожаление. Черный гнев вновь вспыхнул в нем, опалая беспощадным пламенем.

Бесс Бромли, казалось, почувствовала его ярость. Она понимающе посмотрела на Меррика, ее темные глаза блеснули.

Она была на добрых шесть дюймов ниже Мэдлин, с волосами цвета воронова крыла и большим тонкогубым ртом. Трудно найти большой контраст со светлыми локонами и пухлыми губами его жены. Это к лучшему. Действительно к

лучшему. После пережитой трагедии Меррик перестал спать с длинноногими блондинками.

Бесс Бромли бросила шляпку с вуалью в кресло и швырнула сумочку на узкую, грубо застланную койку, служившую ему кроватью. Сумочка со стуком упала на бок. Замочек открылся, и тонкий кожаный хлыст черной змеей развернулся на покрывале. В сумке Бесс были и другие предметы. Наметанный взгляд Меррика отметил это. Он не дурак и знает инструменты ее ремесла.

Словно провоцируя его, Бесс шагнула ближе. Обхватив Меррика за шею, она прижалась грудью к его торсу и положила ладонь ему на затылок. Ее взгляд прошелся по шраму на его лице, ресницы затрепетали и опустились.

– Бедняжка Китти! – хрипло прошептала она. – Она не знала, как обходиться с таким мужчиной, как вы.

– Китти прекрасно справлялась со своим делом.

Деликатно, как бабочка крылышком, Бесс Бромли провела языком по его шраму сверху вниз.

– Китти решила, что вам нравится поглубже, Маклахлан, – пробормотала она. – Скажите, она права?

– Временами, – признался Меррик.

Без предупреждения Бесс прижалась горячими губами к его горлу и впилась зубами в кожу. У Меррика перехватило дыхание от боли, но он не дрогнул.

– А ты, дорогуша? – прошептал он, схватив ее за ягодицы и прижимая к себе. – Ты любишь поглубже?

Она не ответила, но задрожала в его объятиях.

Рука Меррика словно по собственной воле опустилась на плечо Бесс, рванув ткань платья. Затрещал шелк, поползли стежки швов. А почему бы и нет? Меррику хотелось сбросить душившую его мрачную энергию, крушить все

вокруг. Если одна недостижима, почему бы не заменить ее другой?

Под платьем Бесс не было ни рубашки, ни, похоже, панталон. пышная грудь выпрыгивала из черного корсета, покрой которого давно вышел из моды, а тугая шнуровка стесняла дыхание.

Казалось, Бесс корсет совсем не мешал. Под взглядом Меррика ее соски напряглись и отвердели. Круги вокруг сосков были большие и темные. Меррик отвел взгляд. Ему хотелось, чтобы грудь была меньше, светлее. Чтобы под кожей проступали голубые жилки и он водил по ним пальцем. Он хотел, чтобы на месте Бесс была другая женщина.

Меррик резко отстранил ее.

– Снимай одежду, – процедил он сквозь зубы, – и ложись на кровать.

– А если я не захочу? – с вызовом прошептала Бесс, блеснув глазами. – Что, если вам придется меня заставить?

Насмешливая улыбка искривила его губы.

– Твоим черным хлыстом? – сказал он. – Ты этого хочешь?

Взявшись за рукоятку, Бесс медленно провела кожаным жалом по ладони, испытывая почти эротическое удовольствие от каждого бугорка и изгиба тугого жгута.

– Китти говорила, у вас есть шрамы, – слышался хриплый шепот. – Много. Глубокие.

– Китти слишком много болтает.

Бесс облизала нижнюю губу.

– Снимите одежду. – Ее глаза горели желанием. – Мне нравятся мужчины с отметинами. Покажите мне, мистер Маклахлан, сколько вы выдержите.

«Столько, сколько тебе и не снилось», – подумал Меррик. Но будь он проклят, если станет обсуждать это с ней.

– Думаю, милая, ты забыла, кто здесь хозяин.

Бесс шагнула к нему и презрительно скривила ярко покрашенные губы.

– Вы слишком долго имели дело с мягкой, уступчивой Китти. Я знаю ваш тип. И знаю, что вам нужно. Я чувствую запах ярости, исходящий от вас.

Схватив за руку, Меррик дернул Бесс к себе и впился в ее губы. Не выпуская хлыста, она просунула язык в его рот, потом укусила за нижнюю губу.

Гнев ударил Меррику в голову.

– Ах ты, дрянь!

Ее глаза опасно сверкнули.

– Это жестоко, правда? – сказала она. – Вы сердитесь.

Маклахлан осторожно провел тыльной стороной ладони по кровоточащей губе и отступил.

– Черт побери, ты права, я зол.

Бесс фыркнула.

– Вы злились уже тогда, когда я вошла в комнату, – ответила она. – Я просто дала вам возможность разрядиться.

– Замолчи. – Меррик сбросил сумку на пол. Эта девка ближе к истине, чем он хотел признать. – Замолчи и раздевайся. Я хочу быстрого секса. А потом уходи.

Бесс Бромли медленно спустила рукав черного безвкусного платья, открывая плечо и грудь, высоко поднятую туго затянутым корсетом. Когда она

повернулась спиной, Меррик заметил, что корсет зашнурован тонким кожаным ремнем. Под платьем у Бесс не было ничего, кроме черных чулок, туго охватывающих молочно-белые бедра. Контраст был поразительным. Эротичным.

Повернувшись, Бесс соблазнительно улыбнулась.

– Я была очень жестока, – повторила она.

Она поставила одно колено на кровать, потом на четвереньках забралась на покрывало.

– Я разозлила вас, – продолжала Бесс, ложась на живот.

– Я начинаю думать, что ты ненормальная, – пробурчал Меррик.

– Возможно. – Ее взгляд метнулся к хлысту, извивавшемуся на ковре. Влажный язык снова прошелся по губам. – Ну же, мистер Маклахлан, поиграйте со мной в мою игру. Воздайте мне по заслугам, – предложила она. – Вам это понравится.

– Понравится?

Бесс сунула руку себе под живот и скользнула ниже.

– Да, – выдохнула она, прикрыв глаза. – Я вас знаю. Идите же. Отделайте меня... О-о...

Бесс наполовину убедила его. Возможно, это то, что ему нужно. Наверное, демоны, которые временами одолевали его, снова вырвались на свободу. Но хлыст... Никогда.

Бесс корчилась и извивалась на кровати. Против его воли, руки расстегнули пуговицы брюк. Черт бы побрал его жену, эту вероломную дрянью! В одно мгновение Меррик рухнул на кровать и навалился на Бесс, раздвигая ее ноги коленом. Он вошел в нее грубым резким движением, сжав руками ее ягодицы, не позволяя избежать его вторжения.

Широко распахнув глаза, Бесс потрясенно вскрикнула.

Меррик не останавливался. Он отдался во власть терзавших его демонов. Долго он утолял свой гнев. Ногти Бесс впивались в подушку, она задыхалась под ним. Как в тумане слышал Меррик ее крики и мольбы о большем.

Меррик угодил Бесс. Судороги экстаза сотрясали ее. Наконец она, последний раз вздрогнув, обмякла на постели. Меррик почувствовал, что приближается к финалу. Потом наступило оцепенение, физическое опустошение и черная бессмысленная пустота. На несколько мгновений пресыщенность тела заслонила муки души. Меррик сделал еще один выпад и почувствовал, что падает.

Глава 5

Чужая душа – потемки

Поездка в деловую часть Лондона заняла почти два часа. Карета медленно ползла вперед в плотном потоке экипажей. Мэдлин, чинно положив руки на колени, старалась сохранять терпение. Похоже, пешком она бы добралась быстрее. Надо было нанять маленький юркий экипаж, как это делают в столице. Но покойный отец внушил Мэдлин, что происхождение и богатство накладывают определенную ответственность. Она должна сознавать это и свято блюсти правила этикета, особенно когда наносит визиты.

Мэдлин удивилась, получив утром приглашение от мистера Розенберга. Последние три дня она ломала голову, стоит ли посетить его контору и если да, то как это сделать, чтобы не вызвать у него подозрений. У нее самой подозрений было предостаточно. Но Розенберг перехватил инициативу. Его письмо принес во время завтрака одетый в ливрею посланник. Письмо было исключительно вежливым, почти льстивым. Мэдлин сгорала от любопытства.

Время от времени она вытягивала шею, вглядываясь в череду экипажей, словно пытаясь взглядом раздвинуть поток уличного движения. Она искала указатель «Флит-стрит». Мэдлин никогда не слышала этого названия, поскольку ездила в восточную часть Лондона всего один раз – подписать контракт на покупку дома. За всю свою жизнь Мэдлин провела в столице только три месяца. Это было в юности. Она не выезжала за пределы Мейфэра и совершенно не знала

многолюдного города.

Тогда, тринадцать лет назад, ей позволяли посещать только дорогие магазины на Бонд-стрит. Мэдлин всегда очаровывали узкие и кривые улочки. Но отец и тетя Эмма постоянно твердили, что неприлично появляться в менее фешенебельных местах, чем амфитеатр Эстли, и в районах восточнее книжного магазина Хатчарда на Пиккадилли.

В юридической конторе на Треднидл-стрит Мэдлин встретил молодой подобострастный клерк. Усадив ее, он поспешил наверх за хозяином. Мистер Розенберг тепло приветствовал посетительницу и тут же послал за кофе.

Мэдлин задала несколько надуманных вопросов о новом доме, на которые Розенберг ответил с преувеличенной вежливостью.

– Мой служащий все подготовил, – сказал он, когда Мэдлин умолкла, и подвинул к ней толстую пачку кремовой бумаги. – Хотелось бы, чтобы вы сразу с этим ознакомились. Как видите, продавец уже поставил свою подпись. Осталось подписать вам, вот здесь, справа.

Розенберг указал на нижнюю часть последней страницы. Там стояло незнакомое Мэдлин имя.

– А кто этот мистер... мистер Эванз?

– О, это пустая формальность, – махнул рукой Розенберг. – Эванз занимается текущими делами. Он имеет полномочия подписывать документы и договоры.

– Вы хотите сказать, как простой клерк? – свела брови на переносице Мэдлин.

Розенберг рассмеялся.

– Да, но клерк очень высокого ранга, – ответил он. – Ведь речь идет об огромной и чрезвычайно прибыльной компании, деловые интересы которой охватывают весь Лондон.

– Но ведь компания, которая построила мой дом, полностью принадлежит мистеру Маклахлану? – невинно взмахнула ресницами Мэдлин. – Мне именно так говорили.

Розенберг немного смутился.

– Да. Конечно.

Мэдлин это «конечно» было совершенно непонятно, но она улыбнулась самой приятной светской улыбкой.

– Мистер Розенберг, вы ответите мне на последний вопрос?

– Постараюсь.

Мэдлин решила притвориться простодушной и выяснить то, что ей не терпелось узнать.

– Признаюсь, меня одолевает любопытство, – сказала она. – Как мистер Маклахлан начал свой успешный бизнес?

– Я не понял ваш вопрос, леди Бессетт, – нахмурился Розенберг.

– Одни наследуют семейный бизнес, – продолжала Мэдлин, – у других уходит на создание собственного дела два или три десятилетия. А мистер Маклахлан стремительно обогатился. Не могу не удивляться, как столь молодой человек быстро достиг такого успеха.

Мистер Розенберг вежливо кивнул:

– Да, мистер Маклахлан очень молод, а его... как бы это сказать... честолюбие не вызывает сомнений. Думаю, я понял ваш вопрос, леди Бессетт. Мистер Маклахлан начал так же скромно, как и многие другие. Он взял ссуду у родственника.

– Ссуду? – недоверчивым эхом повторила Мэдлин. – Он так это называет?

Снова вежливый кивок.

– Мистер Маклахлан этого не скрывает и не запрещает говорить об этом, – продолжал юрист. – Бабушка по материнской линии финансировала его первые опыты. Отсюда и название фирмы.

– Название?

– «Макгрегор», – сказал Розенберг. – «Макгрегор и К°».

– Он назвал свое дело в честь бабушки?

Розенберг странно посмотрел на нее.

– Вы настроены скептически, леди Бессетт, – заметил он. – У вас есть причины не верить мне?

Мэдлин быстро покачала головой:

– Нет. – Она схватила со стола бумаги. – Я просто любопытствую.

Откинувшись на спинку кресла, мистер Розенберг сложил руки на солидном брюшке.

– Приятно было познакомиться с вами, леди Бессетт, – сказал он. – Я уверен, новый дом вам понравится. Позвольте заранее поздравить вас, если наши пути больше не пересекутся.

Мэдлин ничего не поняла.

– Я уверена, что понравится, – согласилась она, грациозно поднимаясь. – Но слова хороши, когда их подтверждают делом. Я сразу же пришлю вам банковский чек.

– Чек? – удивился Розенберг.

Мэдлин опустила глаза на бумаги.

– Ведь это мой экземпляр договора? И теперь мне нужно в течение двух недель оплатить счет и получить право на собственность?

Розенберг медленно покачал головой.

– Нет, – спокойно сказал он. – Нет, леди Бессетт. То, что вы держите в руках, и есть право на собственность.

– Но... но я заплатила вам только аванс, десять процентов, – возразила Мэдлин.

– Эту сумму уже перевели обратно в ваш банк, – сказал Розенберг. – Этим документом мистер Маклахлан передает вам полное право на недвижимость без всяких условий.

Мэдлин рухнула в кресло. Голова у нее пошла кругом.

– Он... он... что он сделал?

Розенберга такой поворот событий смущал не меньше, чем Мэдлин.

– Мистер Маклахлан сказал, что по некоторым обстоятельствам ему неудобно брать от вас деньги, – попытался объяснить юрист. – Он сказал... сказал, что вы поймете... что у вас есть какие-то отношения или что-то в этом роде.

– Что он сказал? – едва сдерживаясь, спросила Мэдлин. – Да он сумасшедший!

Розенберг немного отодвинулся.

– Так вы не родственники?

Гнев пламенем охватил Мэдлин.

– Ни в коей мере! – воскликнула она, бросив документ на стол. – Я... Да я едва знаю этого человека! Он не мог думать... не мог же он поверить... О господи! Что

он выдумал?

– Не могу сказать, мэм, – развел руками Розенберг. – Я ничего не знаю об этом деле. Я всего лишь исполняю указания. Если проблема действительно существует, вам нужно обсуждать ее с самим мистером Маклахланом.

– Вы правы! – резко сказала Мэдлин и схватила со стола документ. – Я так и сделаю.

* * *

«Темноволосый мальчик снова здесь», – заметил Меррик. На этот раз он сидел на каменной бровке колодца. Несколько месяцев назад здесь по указанию Меррика снесли старый коттедж и коровник, чтобы освободить площадку для строительства новых домов. Но колодец Меррик велел оставить. Каменщикам нужна вода, чтобы месить раствор.

Мальчик появился тут неделю назад. Засунув руки в карманы пальто, он плелся по тропинке к реке, то и дело поддевая камешки носком ботинка. Котлован у подножия холма привлек его внимание, и он слишком близко подошел к краю.

Меррик послал одного из плотников, старого седого Хортон, сказать мальчишке, чтобы убирался. Строительство – вещь опасная и этим часто привлекает детей и скучающих молодых дам.

Но мальчишка не послушался. Пригревало солнышко. Меррик, сбросив сюртук и закатав рукава рубашки, увлекся работой. Заметив незваного гостя, он с раздражением задумался, что делать. После предупреждения мальчик держался поодаль. Правду сказать, там, где он сейчас сидел, для него было мало риска. Но он приходил на стройку не реже Меррика и молча смотрел издали.

«Наверное, нужно самому прогнать юнца», – подумал Меррик. Вдруг мальчик, откинув голову, что-то поднес к глазам. Солнце ярко блеснуло на предмете, который он держал в руках.

Заинтригованный, Меррик вышел на дорогу. Любопытство толкало его вперед к старому колодцу, прятавшемуся в зарослях сорняков. Подойдя ближе, Меррик

увидел в руках мальчика дамский театральный бинокль. На лице мальчишки было восторженное выражение. Что-то в кровельных работах так увлекло его, что он, казалось, не заметил появления Меррика.

– Эта высокая конструкция называется подъемный механизм, – тихо сказал Меррик.

Мальчик сразу же опустил бинокль.

– Здравствуйте, – сказал он и слез с колодца. – Я только смотрю. Честное слово. Я близко не подхожу.

– Я это заметил, – сказал Меррик.

Он совершенно забыл, что собирался прогнать мальчишку. Заложив руки за спину, Меррик разглядывал мальчика. Высокий и стройный, он казался почти юношей, но мягкая округлость лица выдавала детский возраст. Пожалуй, мальчику не больше двенадцати, а может быть, и того меньше. Меррик не разбирался в детях. У Эсме, жены Аласдэра, была двухлетняя сестра Сорча, решительная особа, норовившая укусить любого. Меррик всячески ее избегал.

Этот мальчик совсем не походил на вздорную двухлетнюю девчонку. Меррика он... почти заинтересовал. Его зеленые глаза смотрели не по годам серьезно, напоминая Меррику самого себя в таком возрасте.

– Подъемник – это система блоков, – пояснил Меррик, указав на конструкцию. – А этот вращающийся механизм – лебедка. Видишь, вон там? Она помогает нам поднимать шифер на крышу. Ты когда-нибудь видел это вблизи?

Мальчик покачал головой:

– Только на рисунках. Греческие храмы строили с помощью системы блоков. Папа говорил, что так поднимали колонны портиков, другим способом этого невозможно сделать.

– Твой папа совершенно прав, – сказал Меррик. Он заметил на каменной ограде колодца маленький альбом. – А что у тебя там? Рисунки? Надеюсь, ты не украл

мои строительные секреты?

В глазах мальчика вспыхнула тревога.

– Н-нет, сэр, – ответил он. – Я кое-что зарисовал, но красть не собирался.

– Ну-ну, я пошутил, – сказал Меррик. – Но подозреваю, дружище, что ты у кого-то стащил этот театральный бинокль.

Залившись краской, мальчик опустил голову.

– И кому же он принадлежит? – поинтересовался Меррик.

– Моей... моей маме, – промямлил мальчик, не отрывая глаз от пыльных ботинок. – Но я его не стащил, а просто взял на время.

Вот оно что. Проблемы с мамашей Меррика не интересовали, чтобы сменить тему, он взял альбом.

– Можно мне посмотреть?

– Н-нет, сэр, – резко вскинул голову мальчик. – Не надо. Там нет ничего интересного, правда. Так, наброски.

Меррик, улыбнувшись, открыл альбом. С изумлением он медленно переворачивал страницы. Это были не детские забавы, которые он ожидал увидеть, а хорошо проработанные архитектурные эскизы и наброски фасадов. У молодых архитекторов, работающих в его фирме, порой выходило хуже, признал Меррик. Некоторые рисунки по-настоящему хороши. Был тут весьма похожий портрет Ридли. Главный каменщик ловко подбросил кирпич. Можно было разглядеть узловатые пальцы Ридли, шероховатые края кирпича и даже раствор, готовый свалиться с мастерка.

На другом рисунке Меррик увидел себя – широко расставив ноги, он балансировал на высокой балке. Меррик хорошо помнил тот день. Три или четыре дня назад он вскарабкался на крышу, где устанавливали стропила. Он сделал это только для того, чтобы рабочие поняли, что он способен подняться

наверх – по крайней мере в сухую погоду, когда нога не беспокоит его, – и проверить их работу. О его недомоганиях никто не догадывался. Меррик хотел, чтобы все знали, что от него не укроется самая малейшая погрешность даже на высоте семидесяти футов над землей.

На рисунке Меррик жестом указывал плотнику на соединение стропил. Его лицо было изображено в профиль, взгляд холоден и суров. Меррик тогда не заметил мальчика и надеялся, что тот не слышал его весьма колоритных высказываний и указаний.

На последней странице альбома была изображена поднимающаяся по холму улица. Некоторые дома и крыши отличались от реальных. Мальчик внес в типовые дома разнообразие: крыша с коньком на одном, причудливые фронтоны на другом, французская мансарда на третьем.

– Как я вижу, мои крыши тебе не нравятся, – сказал Меррик, пряча улыбку.

Мальчик поднял одно плечо.

– Если бы строил я, то сделал бы так, – ответил он. – Мне бы не хотелось, чтобы дома были совершенно одинаковыми.

– Но эта одинаковость дает хорошую экономию, – объяснил Меррик. – Это позволяет нам разумно использовать дорогую землю и закупать материалы большими партиями. Цена много значит даже для богатых людей.

– Правда? – Мальчик, казалось, удивился.

– Да, и если ты собираешься стать архитектором, то, пожалуйста, помни об этом. Выпускники университетов зачастую витают в облаках.

Мальчик рассмеялся, и на мгновение серьезное выражение исчезло с его лица.

– Как тебя зовут? – спросил Меррик.

– Джефф, – ответил мальчик. – Джеффри Арчард.

– А я мистер Маклахлан, – подал ему руку Меррик.

– Вы строите что-нибудь, кроме домов? – снова став серьезным, посмотрел на него мальчик.

Меррик поднял брови.

– Моя компания строит дороги и кладет тротуары, – сказал он. – Я занимаюсь производством медных труб, а недавно завладел кирпичным заводом. Я могу продолжить, но ты ведь не это имел в виду?

Мальчик покачал головой:

– Нет, я хотел сказать, вы строите что-нибудь другое? Церкви, банки или... или, может быть, дворцы?

Меррик улыбнулся.

– Нет, ни одного дворца я не построил, – признался он. – Но когда я был молодым, то проектировал ратуши и множество красивых домов в провинции. Некоторые из них были большие, как дворцы.

Лицо мальчика вдруг побледнело. Казалось, он уже ничего не слышал. Живые зеленые глаза померкли, взгляд стал пустым. Меррик испугался, что у него эпилептический припадок.

– Джеффри! – Он легонько тронул мальчика за плечо. – Что случилось, Джеффри?

Проглотив ком в горле, мальчик поднял глаза. Станные чувства отразились на его лице. Страх? Вина?

– Подъемник, сэр, – хрипло сказал он. – Канат... Один блок... Он... падает.

– Что? – Меррик присел и смотрел мальчику в глаза. – Джеффри, что ты хочешь сказать?

Мальчик прошмыгнул мимо него и подбежал к краю, не отрывая глаз от стройки.

– Падает! – повторил он. – Люди... Скажите людям, чтобы они сейчас же отошли!

Догнав мальчика, Меррик схватил его за плечи и повернул лицом к себе.

– Джеффри, что ты говоришь? Откуда ты знаешь?

Брови мальчика сошлись на переносице.

– Я... я видел это в бинокль! – крикнул он. – Я забыл. Забыл сказать. Пожалуйста! Пожалуйста!!! Прикажите им уйти!

Меррик больше не раздумывал. Он бросился через дорогу, на ходу отдавая приказ прорабу:

– Келли, быстро в сторону! Очистить площадку! Мигом!

Келли посмотрел на Меррика как на безумного, но он привык слепо подчиняться хозяину. Оттолкнув рабочего от подъемника, прораб приказал всем отойти. Через мгновение на стройплощадке словно ад разверзся. Скрежет цепей и металла разрезал воздух, потом послышался треск. Контейнер с шифером на высоте пятьдесят футов дернулся раз, другой и рухнул вниз, задев край крыши. Шифер, медные водосливы, обрывки канатов и цепей, куски карниза и балки смертоносным градом сыпались вниз, словно земля содрогнулась от землетрясения.

У Меррика сердце готово было выскочить из груди. Он подбежал к Келли.

– Боже милостивый! – прошептал прораб, крестясь дрожащей рукой.

Меррик сжал его плечо.

– Все живы?

Келли быстро взглянул на кучку сгрудившихся людей.

– Да, все. – В его голосе сквозило облегчение. – Господи! Что случилось?

– Что-то испортилось в механизме, – сказал Меррик, кивнув в сторону свободного участка. – Мальчик увидел это в театральные бинокль.

Келли беспомощно смотрел на него.

– Значит, мальчишка? – тронул Меррика за плечо старый плотник Хортон. – А мы думали, мистер Маклахлан, что вы велели его прогнать! – Он то ли хрипло рассмеялся, то ли зашелся в чахоточном кашле, Меррик никогда не мог этого определить.

Наверху с белыми как мел лицами застыли кровельщики. У подъемника собрались рабочие. Сняв шапки, они смотрели на кучу щебня так, словно под ней лежал один из их товарищей. Но никто не пострадал. И за это надо благодарить мальчика.

Меррик пошел обратно к старому колодцу, но мальчик уже ушел.

Один из мужчин, копавших соседний котлован, поднял голову.

– Вон он, сэр, – сказал рабочий. – Побелел как полотно и быстро пошел к деревне.

– Вижу, – ответил Меррик. – Спасибо.

И все-таки он пошел к старому колодцу. Несколько минут он просто стоял там, глядя в его глубину и задумчиво потирая переносицу. Да, он благодарен мальчику. Но почему мальчишка так долго молчал? Судя по его панике, он понимал значение того, что заметил.

Со вздохом Меррик повернулся, собираясь уйти, но носок его сапога уперся во что-то твердое. Среди листьев щавеля лежал театральные бинокль. Поддавшись порыву, Меррик наклонился и поднял его. «Бинокль дорогой», – решил он, покачивая его на руке. Ради интереса он поднес его к глазам и повернулся к стройке. Он разглядывал толпу, узнавая каждого из рабочих. Но увидеть с такого расстояния перетершийся канат на подъемнике... Нет, это невозможно.

Меррик опустил бинокль. «У мальчишки отличное зрение», – неохотно признал он. На него самого в тридцать пять лет временами нападал, как ему казалось, недуг, свойственный пожилому возрасту, и Меррик купил себе очки.

Вернувшись на место происшествия, он велел Уолтерзу опустить подъемник и осмотреть его. Меррик прекрасно знал, кому поручить дело. Трое мужчин уже разбирали обломки шифера, проверяя, что из них можно использовать. Наверху болталась доска карниза. Скорее всего до наступления темноты ее заменят.

«Больше здесь нечего делать», – решил Меррик. Это был опасный сигнал, но теперь пора двигаться дальше. Им с Эванзом предстоит встреча с дельцом из Гринвича, занимающимся земельными участками. Время и морской прилив – не говоря уже о бизнесе – никого не ждут.

Глава 6

Не миновать после затишья бури

Кучеру Мэдлин дважды пришлось останавливаться и спрашивать дорогу к конторе мистера Маклахлана. Наконец они подъехали к большому внушительному зданию, расположенному на противоположном конце деревни. Оно походило на увеличенную копию ее будущего дома.

Внутри пахло чернилами и почему-то свежими досками. Из комнаты в комнату, вверх и вниз по широкой лестнице сновали клерки и копировщики. Никому не было дела до Мэдлин. И никто не мог ей помочь. Мистер Маклахлан не имеет привычки разговаривать с покупателями. Этим занимается Розенберг.

В конце концов человек похожий на дворецкого решил провести Мэдлин наверх, в кабинет мистера Маклахлана. Она поднялась вслед за ним на два пролета лестницы. В каждом углу, в каждой нише работали люди. За досками на высоких табуретах сидели чертежники. Другие склонились над большими столами, заваленными бухгалтерскими книгами. В одном из коридоров лежали некрашенные вырезанные зубцами доски, рядом стояла корзина с деталями отделки. Все это казалось Мэдлин странным. Она никогда в жизни не видела

ничего подобного.

Ее оставили ждать в большом кабинете. Стены были обшиты деревянными панелями, гармонировавшими с прекрасной мебелью красного дерева и таким же письменным столом огромных размеров. Стоявшие у стены напольные часы в высоком инкрустированном футляре действовали на нервы монотонным тиканьем.

Не в состоянии от волнения усидеть на месте, Мэдлин вскочила с кресла и прошла по комнате, разглядывая книжные полки и живопись. Картины большей частью были очень старые и очень красивые. «Итальянские и голландские», – решила она. На буфете на тяжелом серебряном подносе стоял искрящийся графин, украшенный уникальной резьбой, в окружении шести таких же стаканов. Без сомнения, хрусталь с острова Мурано. Мэдлин горько скривила рот. Меррик всегда отличался безупречным вкусом и теперь, похоже, мог позволить себе самое лучшее.

Слева от стола была узкая дверь. Поддавшись порыву, Мэдлин открыла ее и заглянула внутрь. В теплом воздухе витал пьянящий мужской запах. Опустив ресницы, Мэдлин глубоко вздохнула, отдаваясь во власть нахлынувших воспоминаний. Запах каштана и чего-то еще, резкого и пряного, дразнил ее ноздри. И за всем этим – едва уловимый аромат, присущий только Меррику. Мэдлин мгновенно узнала его. Узнала теперь, как узнавала всегда. О, как жестока память, она жалит как острие кинжала.

Мэдлин охватило искушение подойти к узкой кровати, откинуть покрывала и вдохнуть аромат простыни. Этот запах она тоже хорошо помнила. От воспоминаний кровь бросилась ей в лицо. Рассердившись на себя, Мэдлин захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, прижав руки к теплему дереву.

В этот неподходящий момент без всякого предупреждения вошел Меррик, и у нее перехватило дыхание. Он не сразу заметил Мэдлин. Подойдя к столу, он бросил на него набитый бумагами черный портфель. Задумавшись, Меррик провел по волосам красивой рукой с длинными пальцами. Неизменное кольцо-печатка блеснуло в лучах солнца, пробивавшихся сквозь окно.

Мэдлин кашлянула, и Меррик тут же повернул голову. Она не могла понять выражения его лица. Что это? Облегчение? Радость? Но что бы это ни было, оно

быстро сменилось мрачным взглядом.

– Мэдлин, – тихо сказал Меррик. – Ради всего святого, что это значит?

Она спокойно положила на стол договор, который дал ей Розенберг.

– Действительно, что это значит? – пробормотала она. – Ваш мистер Розенберг дал мне это сегодня.

Меррик поднял красивую бровь.

– Он заслуживает полного доверия.

От его холодного высокомерия Мэдлин затрясло.

– Как вы смеете, мистер Маклахлан? – Ее голос дрожал от ярости. – Как вы смеете вмешиваться в мои личные дела? Заберите это назад. Я этого не приму, слышите?

Меррик имел наглость улыбнуться, но глаза его оставались холодными.

– Мистер Маклахлан? Вот как? – сказал он. – Как же так, Мэдлин?! Мы одни. Можешь оставить свои хитрости.

– Теперь вы для меня никто! – выпалила она. – У вас нет права рассказывать посторонним, что вы имеете ко мне отношение.

– Я твой муж, – парировал Меррик. – Хотя я не упомянул об этом факте Розенбергу. И пока мы женаты, закон требует, чтобы я обеспечивал тебя, хочу я этого или нет.

– Вы мне не муж! – крикнула Мэдлин. – Мой муж умер, слышите? Прекратите мучить меня.

Обойдя стол, Меррик остановился перед ней.

– Ты понятия не имеешь, что такое настоящие мучения, Мэдлин. – Голос его был пугающе спокойным. – Кем бы ни приходился тебе лорд Бессетт, он, несомненно, тебе не муж.

У Мэдлин задрожали руки. Меррик стоял слишком близко. Его мужская сила и красота всегда ошеломяли ее.

– Мы совершили ошибку, Меррик, – прошептала она. – Поторопились, сделали глупость и потом пожалели об этом. Пожалуйста, пусть это останется в прошлом. Мне теперь надо думать о ребенке.

Его красивый рот скривился в презрительной усмешке.

– Ты стыдишься меня, Мэдлин? – спросил он. – Ты стала старше и быстро поумнела, не так ли? Сколько ты жалела, что связала свою судьбу с нищим шотландцем? Дней десять?

– Да как ты смеешь?! – Мэдлин сообразила, что изо всех сил размахнулась, только когда Меррик схватил ее за запястье.

Он резко дернул ее, почти прижав к себе, и она почувствовала жар его тела.

– Смею, мадам, – процедил он сквозь зубы, почти касаясь губами ее рта. – Я заплатил за это кровью своего сердца.

– Какого сердца? – вскрикнула Мэдлин. – У тебя его нет!

Меррик прижал ее к себе, грудь в грудь.

– Да, я это слышал, – ответил он, ухватившись рукой за ее юбки, словно собирался задрать их. – Но у меня есть жена. Благодарю Бога, моя дорогая, что я не затащил тебя в спальню. Я бы дал выход своим тринадцатилетним страданиям между твоих длинных прелестных ног.

– Только попробуй! – прошипела Мэдлин. – Я закричу! Меня весь дом услышит.

– Пожалуйста, никто на это и внимания не обратит, у них есть дела поважнее.

Посмотрев на Меррика, Мэдлин проглотила ком в горле. Господи, он говорит правду. Его голубые глаза горели, ноздри раздувались, дыхание стало хриплым. Символ неопровержимого мужского возбуждения, прижатый к ее животу, становился все крепче.

– Да, Мэдлин, я хочу тебя, – признался Меррик. – Тебе это приятно? Ты счастлива, что я еще страдаю? Что скажешь, дорогая? В постель или нет? Обычно ты умоляла меня об этом. Разве не помнишь?

Мэдлин зажмурилась. Боже, правый, она помнила. Вводя ее в еще большее искушение, Меррик провел рукой по ее бедру, медленно и неумолимо зажигая огонь желания. Она чувствовала сквозь плотную ткань его брюк напрягшееся мужское естество, силу его рук, жажду в его прикосновениях... В какое-то безумное мгновение Мэдлин готова была решиться.

Нет! Нельзя совершить новую глупость.

– Убери руки, Меррик, – прошептала она. – Я не твоя.

Он посмотрел на нее с еще большим презрением и оттолкнул.

– Я не взял бы тебя, даже если бы на земле других женщин не осталось, – сказал он. – Я бы не доставил тебе удовольствия, вероломная змея.

Мэдлин отшатнулась. Ей казалось, что она теряет разум.

– Я не хочу тебя, – проговорила она, убеждая саму себя. – Не хочу. Ты больше мне не муж.

Меррик небрежно поднял одно плечо.

– Я никогда не опровергал твою ложь и впредь не буду. Но знай, Мэдлин, ты моя жена. Перед Богом и перед лицом закона ты моя жена и всегда ею будешь.

Ее глаза были прикованы к его красивому, презрительно скривившемуся рту.

– Это ты воспользовался законом, когда тебе это было выгодно! – парировала она. – И быстро отверг меня, когда появилась возможность получить прибыль.

Меррик медленно повернулся к ней, его лицо было непроницаемым.

– Я никогда не отвергал тебя, Мэдлин, – хрипло сказал он. – Никогда. О чем ты говоришь?

Мэдлин неуверенно заморгала.

– Об... об аннуляции брака, – сказала она. – О деньгах. О моем приданом.

– Не было никакой аннуляции, – медленно покачал головой Меррик. – Я знать ничего не знаю ни о каких деньгах.

– Ложь! – Сердце молотом застучало в груди Мэдлин.

Меррик снова отступил назад.

– Да, ложь, – сказал он. – Я в этом не сомневаюсь. Но бьюсь об заклад, это ложь твоего отца, а не моя.

Если он лжец, то хороший. Мэдлин почувствовала, что земля угодит у нее из-под ног.

– Тогда скажи мне... – Она с хрипом втянула воздух. – Ты утверждаешь, что не расторгал наш брак?

Меррик изумленно смотрел на нее.

– Как я мог это сделать? – спросил он. – Мэдлин, мы дали клятву. Мы скрепили ее нашими телами. Вспомни, ты уже не была девственницей! Какие у нас могли быть причины для аннуляции брака? Похоже, кто-то из нас сошел с ума...

– Я начинаю думать, что ты. – Мэдлин в отчаянии покачала головой. – Я тебе не верю.

– А я не верю тебе! – отрезал Меррик. – Расторгнуть брак после того, что мы вместе совершили? Какой безмозглый болван поверит, что это возможно? Ты считаешь меня круглым дураком?

Боже, он говорит так убедительно! Кровь отхлынула от лица Мэдлин. У камина стоял кожаный диван. Ухватившись за спинку, она сделала несколько шагов. Сильная рука Меррика поддержала ее, не давая споткнуться, и Мэдлин опустилась на сиденье.

Господи! Боже правый! Не может этого быть... Комната вдруг поплыла у нее перед глазами, и Мэдлин провалилась в темноту. Опустившись на колени, Меррик мягко растирал ей руку. Мэдлин почувствовала, как его гнев сменился другими эмоциями.

– Мэдлин, что он тебе сказал? – Казалось, Меррик давился словами. – Что Джессоп сказал тебе обо мне?

Мэдлин невидящим взглядом смотрела в стену.

– Я их видела, – опустошенно сказала она. – Я... я видела бумаги. Твою подпись.

– Какие бумаги? – Меррик взял ее лицо в свои ладони и повернул к себе. – Какие бумаги, Мэдлин?

– Аннуляцию, – сказала она. – Две или три страницы... с печатью, свернутые в трубку и перевязанные лентой. И ты подписал их, Меррик. Папа мне показывал.

Прищурившись, он покачал головой.

– Мэдлин, как выглядит моя подпись?

– Я... я не помню.

– Ты не можешь ее помнить, потому что видела ее только раз, – ответил Меррик, – когда я подписывал регистрацию брака в Гретна-Грин. Ты смотрела на мою руку? Ты это помнишь?

Мэдлин проглотила ком в горле.

– Нет... не помню, – призналась она. – Я... я так волновалась. Разве мы что-то подписывали? Думаю, должны были. Но папа сказал, что брак расторгнут. Он сказал, что ты этого хотел.

Меррик сжал ее руки:

– А ты этого хотела, Мэдлин?

Она молча кивнула, слезы стояли в ее глазах.

– Я совершила ошибку, Меррик, – прошептала она. – Мне было всего семнадцать. Я не знала, как устроен мир.

Силы оставили Меррика. Он снова почувствовал себя выпотрошенным, опустошенным. Вероломство Джессопа его не удивило. Он познал нрав отца Мэдлин на собственной шкуре. Но Меррика всегда поражало полное отсутствие решительности у Мэдлин. Он никогда не думал, что жизнь и родные Мэдлин будут ласковы к ним. А она верила в это? Очевидно, да. Во всяком случае, она не была готова плечом к плечу с ним преодолевать тяготы жизни.

– Мы все еще женаты, Мэдлин, – сказал он тусклым голосом. Казалось, слова шли из глубин усталого сердца. – И останемся супругами до смерти.

– Не говори так! – воскликнула она. – Я этого не вынесу! Я отказалась от всего, Меррик. Моя жизнь... все эти годы... ради чего?

Он попытался снова взять ее за руку, но Мэдлин оттолкнула его.

– Нет! – сказала она. – Я... у меня ребенок, Меррик. Он – единственное, ради чего я живу. Он для меня все. Не может быть... нет, я никогда не поверю, что я... я прелюбодейка! Ты об этом говоришь?

– Успокойся, Мэдлин.

– Нет, не могу. Это злодеяние. Ты говоришь, что мой отец... что он солгал мне. Я тебе не верю. Я не твоя жена. Я скорее умру.

– Не важно, веришь ты мне или нет, Мэдлин, – печально сказал Меррик. – Это ничего не изменит.

– Это все меняет. – Ее голос срывался, лицо исказило отчаяние. – Папа сказал, что заплатил тебе. Заплатил, чтобы ты исчез. Он сказал, что отдал тебе мое приданое. Тридцать тысяч фунтов. Столько ты запросил, чтобы избавиться от меня. Ты хотел заниматься бизнесом, Меррик, и нашел способ сделать это.

Меррик встал и зашагал по комнате. Сейчас с Мэдлин бесполезно говорить. Нет смысла спорить с ней или сообщать о лжи ее отца. Меррик теперь ничего не чувствовал. Ни боли, ни ярости, ни праведного гнева. Сердце застыло в груди холодным камнем. Это лучше, чем раздирающее тело вожделение, охватившее его при виде Мэдлин, решил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/karlayl_liz/tri-malen-kih-sekreta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)